488089 р
БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

РОДЪ КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХЪ,

защитителей

юго-западной Руси.

ЧАСТЬ II.

КОЛОМЫЯ.
Изъ типографіи Михаила Ив. Бѣлоуса.

Иждивеніемъ Михаила Ив. Бѣлоуса.
1884.

488089

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами «строгие» порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ «ЗАЧИТАЛ» НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 00392. Зак. 16. Тираж 3000
Типография обл. библиотеки.

Инв 8975
Книги изъ собранія
П. Симони.
929
Б43
4880 89
Библіотека
Педагогическаго Института
Самарскаго Губ. Земства
Библиотека
Отъ
Библиотека

Родъ князей
ОСТРОЖСКИХЪ,

защитителей

юго-западной Руси.

КОЛОМЫЯ.
Зъ печатнѣ Михаила Бѣлоуса.
1884.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХЪ

Часть II.

Князь Илія Константиновичъ.

Старшій сынъ князя Константина именемъ Илія, рожденъ отъ княгинѣ Татіяны, вскорѣ по смерти отца, не хорошо пописався въ отношеніи къ своей мачисѣ, княгинѣ Александрѣ, взявши своими людьми записаный ей покойнымъ мужемъ Туровъ, отъ которого древнихъ князей господинъ Максимовичъ производитъ родъ князей Острожскихъ, а который передъ Константиномъ належалъ до князей Глинскихъ, и бувъ имъ за намѣну отнятъ и Константину Острожскому отданъ.

Вслѣдствіе того братъ ей князь Юрій Семеновичъ Слуцкій, знаный намъ съ-подъ Капева, долженъ былъ правоватися за вдову сестру. Потомъ сдѣлалъ и другій промахъ князь Илія, тягаючися съ княгинею Ивановною Заславскою и ея сыномъ, княземъ Кузьмою, о значительныя имѣнія спорныя меже тыми двома вѣтвами князей Острожскихъ. Наконецъ началъ значительныя долги затягати на имѣнія одѣдиченныя, гуляючи выставно на дворѣ Краковскомъ, гдѣ тогда безсовѣстная королева Бона хозяйничала[1]) о которой одинъ польскій историкъ пишетъ, что неруководилася она ни справедливостію, ни религію, а стягнула съ Польщи громадныя богатства и вывезла ихъ въ Италію.[2])

---

[1]) Przezd. Jagiellonki II. 47., 52., 53.
[2]) Przezd. I. 143.

Въ близости Тарнова лежитъ надъ Дунайцемъ городъ Войничъ, о милю отъ стаціи желѣзной дороги въ Богушиловичахъ отстоящій. Тамъ былъ давнѣйше укрѣпленный замокъ, а каштеляномъ его былъ въ началѣ шестьнадцятого столѣтія Андрей Коспелецкій. Отъ позднѣйшой жены тогожъ, Екатерины, имѣлъ король Сигисмундъ, впрочемъ достойный и счастливый монархъ, двохъ природныхъ сыновъ, а якъ многіи подозрѣваютъ и дочерь, званую Беатою Коспелецкою.[3]) Тая возрастала и воспитывалась на дворѣ королевскомъ и славилась красотою. И съ тою дѣвицею загадала грошелюбивая Бона оженити богатого сына гетманского, князя Илію Острожского.

Князь Илія Константиновичъ былъ уже прежде, еще за житія отца своего, засватанъ съ юною Анною, дочерью Юрія Радивила, товарища и пріятеля покойного Константина; позднѣйше давано ему въ жену молодшую ей сестру Варвару, которая, овдовѣвши по Гастольдѣ, зостала женою позднѣйшаго короля Сигисмунда II. Августа. Но намѣренное супружество Илія съ дочерями Радивила, который по смерти кн. Константина Острожского получалъ каштелянію виленскую и великую булаву гетманскую, несостоялось и 28 лѣтный князь Илія попалъ въ ловушки нечестивой Боны, которой и предвременную смерть королевой Варвары, своей невѣстки, нѣкоторыя приписуютъ.

---

[3]) Przezd. Jag. I. 84 która (Beata) przy kr. Bonie chowana była... by też miała być co królowi w rodzie. — Stebelski III. 61.

Года 1539, въ день по вѣнчанію королевной Изабелѣ съ Иваномъ, королемъ угорскимъ, въ время котрого князь Илія съ королевичемъ Сигисмундомъ Августомъ боролись въ шранкахъ турнирскихъ, отбылось таковде на замку краковскомъ вѣнчаніе князя Иліи Константиновича съ каштелянкою Беатою Косцелецкою, которая ему невнесла почти ніякового придапного, або женихъ, еще въ Краковѣ пребывающи, затягнулъ долгъ у мѣщанъ краковскихъ; противно изъ своей стороны записалъ онъ своей женѣ 33.000 золотыхъ на всѣхъ своихъ имѣніяхъ отеческихъ, а переселившися въ Острогъ, записалъ ей еще на вѣчность замки Степань, Сатыевъ и Хлапотинъ съ принадлежными селами, кромѣ сего дожизненно замокъ Ровно, сѣдалище прежде князей Ровенскихъ, съ всѣми принадлежностями.

Такъ Бона хорошо повела дѣла свадебныи своей выхованки, а то тѣмъ больше, бо молодый женихъ, сдѣлавши таковыи громадныи записи, уже въ пару мѣсяцей по вѣнчанію, напрасно занедужалъ и еще того самого года (1539) померъ, оставляючи кн. Иліину беременною.

Надобно однакъ по сихъ промахахъ хозяйственныхъ и семейныхъ признати, что въ послѣднихъ дняхъ душа русская въ немъ очунѣла. Призвалъ онъ въ Острогъ кн. Ѳеодора Андреевича Сангушку, маршалка волынскаго, котораго своимъ братомъ именовалъ, сдѣлалъ его опекуномъ жены и будущаго дитяти, подиктовалъ свое завѣщаніе, записалъ церкви Пречистенскои въ Лаврѣ Кіевской, гдѣ велѣлся по-

хоронити, нѣкую суму, церквамъ Богородичнымъ въ Вильнѣ, Городнѣ, Минску, Новгородку, Берестѣ, Владимирѣ и Луцку, тоже соборнымъ церквамъ въ имѣніяхъ своихъ каждой по 10 копъ грошей, неменше городскія и сельскія церкви обдаровалъ онъ; митрополитѣ кіевскому записалъ 15 копъ, епископамъ луцкому и владимирскому по 10 копъ грошей. Кромѣ того записалъ нѣкоторыя села и земли замковой церкви въ Острозѣ, наконецъ церквамъ св. Николая и св. Софіи въ Кіевѣ. Изъ своей серебряной збруѣ велѣлъ поснимати серебра и двѣ иконы въ мѣстной церкви ними пріукрасити, зъ лишившогося велѣлъ крестъ серебряный сдѣлати. И на церковь Межирѣчскую непозабылъ онъ такожъ. Если жена уродитъ дитя, то маетъ она съ дѣтиною на всѣхъ имѣніяхъ его сидѣти; звернулъ ей такожде всѣ вещи, якія ему внесла. Короля, королеву Бону и королевича просилъ о попеченіе надъ лишоными женою и будущимъ дѣтятемъ. Опекунами установилъ онъ кромѣ кн. Ѳеод. Андреевича Сѣнгушки, брата по свойстѣ, княгинѣ Коширской, такожъ Ивана Богдановича Сапѣгу, воеводу подлѣсскаго; Ивана Горностая маршалка королевскаго, Ивана Васлевича, старосту упитскаго и Юрія Фальчевскаго, епископа луцкого. Совѣстное сплаченіе долговъ, хотябы и продажію нѣкоторыхъ имѣній, вложилъ имъ на совѣсть. Отступивши еще отъ тяжбы съ кн. Кузьмою Заславскимъ, о чѣмъ прежде говорено, скончался сынъ гетманскій, староста брацлавскій и винницкій, князь Илія Константиновичъ Острожскій въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ въ отеческомъ замку Острозѣ.

Въ мѣсяцъ потомъ, княгиня Беата предложила завѣщаніе королеви въ Краковѣ къ утвержденію. Молодая вдова обняла сейчасъ не только всѣ имѣнія мужа въ посѣданіе, но такожъ и другую половину имѣній острожскихъ, належащихъ до молодшаго брата Константина Василія Константиновича помимо того, что тойже допоминался о отданіе ихъ себѣ. При концѣ г. 1539 уродилась княжна Елисавета или Гальошка Иліана. (Gwagnin 318 называетъ ю ошибочно Екатериною). Беата начала хозяйничати по своему въ огромныхъ имѣніяхъ, утискала бояръ (дворянъ), накладала на людей великія оплаты, устранила давнѣйшихъ чиновниковъ и произвела общее негодованіе, такъ, что Сигисмундъ I. препоручилъ князю Ѳеодору Сангушцѣ строжайшое наблюданіе за дѣлами княгинѣ Беаты, а то въ своемъ и прочіихъ опекуновъ имени. Несовѣстное хозяйничаніе Беаты зъ одной, а прошеніе вдовы по Константинѣ гетманѣ о узнаніе сына ей Константина Василія полнолѣтнымъ и о отданіе ему половины имѣній отеческихъ, зъ другой стороны, склонили короля Сигисмунда до взятія въ секвестръ имѣній острожскихъ и высланія суда угодового до Вильны, гдѣ г. 1541 признано Беатѣ доходы зъ имѣній за первый годъ по смерти князя Иліи, за вторый же годъ князю Константину; имѣнія подѣлено на двѣ половины и выборъ оставлено томужо князю. Онъ избралъ себѣ замки Дорогобужъ, Дубно и Здателъ, округъ Звягольскій и дворы въ Крупѣ и Здолбичахъ съ принадлежностями; Острогъ, Полонне, Красиловъ и прочіи имѣнія остались для

княжни Гальки. Беата яко мать недозрѣлой княжни зайняла въ имени тойже всѣ имѣнія ей признаны, выробила себѣ у короля соизволеніе на заставу имѣній Гольшанъ и Сушы, спавшихъ отъ первой жены гетмана Татіянны на тогожъ и князя Илію, а если причислимо до того записаны ей мужемъ замки Степань, Сатыевъ, Хлапотинъ и проч., тоже выправованы отъ князя Василія: то нужно признати, что проворная Ляшка почти всѣ имѣнія своего мужа на свои перебрати успѣла. Тѣмъ громаднымъ имѣніемъ управляла она самовладно, ибо позднѣйшія акта не вспоминаютъ уже о вмѣшательствѣ князя Ѳеодора Сангушки.

Княжна Елисавета (Галька) Иліина.

Дочь свою воспитивала княгиня Беата въ безусловнôмъ повиновеніи волѣ матерной, чтобъ якъ найдолше власть свою надъ нею и надъ княжествомъ Острожскимъ задержати могла. Зголосившихся убѣгателей о руку Гальки умѣла она вѣжливо усувати, заставляючися волею короля Сигисмунта Августа, вступившаго между тѣмъ на престолъ и велѣвшаго себѣ дати поруку, что богатую наслѣдницу Острожскихъ не свѣнчаетъ безъ его вѣдомости и соизволенія.[1]) Въ томъ направленіи писалъ самъ король власноручно до маршалка литовскаго Николая Радивила: А понеже, пане воеводо, много на томъ зависитъ, cui haec virgo nubere debeat (за кого

[1]) Przezdziecki Jagiellonki II. 66, 68.

тая панна выйти маетъ), тожъ хочемъ, чтобъ Твоя Мость въ томъ отношеніи никому смѣлости недодавалъ, и ничего непостановлялъ, доки съ Нами не розмовишся."

Невѣзка княжна Галька счасти съ своими женихами: воинственного князя Димитрія Вишневецкаго, который въ борбахъ съ Татарами и Волохами ославился, непособствовалъ стрый ея Константинъ Василій Острожскій; онъ потерялъ свое княжество на Волыню, а когда Сигисмундъ Августъ таковое ему невозвратилъ мимо многократныхъ прошеній, уйшолъ въ Волощину, тамъ попался въ плѣнъ турецкій, въ Цареградѣ завѣшенъ за ребро на гаку, три дни мучился, наконецъ когда сталъ на Магомета пророка выговорювати, убитъ стрѣлами г. 1562 яко мученикъ христіянскій.[1])

Старый князь Ѳеодоръ Андреевичъ Сангушко, бывшій первѣйшимъ опекуномъ Гальши, которого князь Ихія Острожскій своимъ братомъ и найвѣрнѣйшимъ другомъ называлъ, — належалъ до древнихъ русскихъ князей, розродившихся особенно на Волыню. Онъ умираючи оставилъ трехъ сыновъ: Димитрія, Романа и Ярослава. Первый изъ нихъ яко найстаршій получилъ послѣ завѣщанія отца, опѣку надъ молодшими братями, изъ которыхъ Романъ имѣлъ въ кратцѣ потомъ статись богатыремъ своей родины и цѣлаго отечества. О немъ то голосятъ пѣснь извѣстна:

---

[1]) Przeździecki Jagiellonki II. 71.

Ночь була темна, вѣтеръ въ нивъ широкихъ...
А мѣсяцъ часомъ съ подъ небесъ высокихъ
Числяевъ надъ Богомъ сидящи Татары.
Былъ тогда Романъ въ Житомирѣ вѣсть
Той судилъ справу княгинѣ зъ Острога,
Скоро дочулся о той страшной вѣсти
И о нещастяхъ народа зъ надъ Бога:
Схопилъ за шаблю, буркою прикрылся,
Скричалъ а сотни на коняхъ зродились,
Самъ передъ ними якъ вихоръ пустился,
За ними небо туманомъ вкрилось.

Луны далеко въ горы мандровали,
А при куращахъ спѣвали погавцѣ,
Ахе кто скаже яки слезы лъяли
Взяти въ неволю зъ христіяновъ бранцѣ.

Но и старшій братъ князь Димитрій Сангушко, тогда уже старостою каневскимъ и черкаскимъ, помимо своей юности отличился воинственными дѣлами противъ Татаръ тамъ въ южной Украинѣ якъ и при отраженіи Татаръ, осаждающихъ городъ Житомиръ, на Волыни. Приѣзжаючи зъ своихъ старостивъ до имѣній отеческихъ на Волыню, обновилъ князь Димитрій давныя отношенія сродства и дружества съ домомъ князей Острожскихъ, вступилъ до Острога до княгинѣ Иліинои, завитавъ и до Дубна, гдѣ пребывалъ князь Константинъ II. съ матерію своею и съ молодою женою Софіею, дочерью и единственною наслѣдницею великого гетмана коронного Іоанна Тарновского. Былъ князь Димитрій уже прежде

засватанъ съ подрастающею княжною Маріею Львовною Полубинскою, но по смерти дѣда ей, князя Василія Полубинского, хотяй ю взялъ отъ матерняго дѣда ея Ивана Горностая и умѣстилъ у своей тетки Ѳеодоры Боговитиновичевои, зъ роду князей Сангушковъ, то познакомившись съ княжною Галькою, отрекся отъ недорослой княжны Полубинской, а прійнятъ хорошо отъ княгинѣ Беаты и ей шурина князя Константина, постановилъ свѣнчатись съ Галькою, освѣдчился о туюже у Беаты, получилъ отъ ней письменное приреченіе и отъѣхалъ въ Черкасы.

Между тѣмъ загадалъ король Сигисмундъ Августъ пребогатую дѣдичку волынскую выдати за одного изъ высшихъ чиновниковъ польскихъ, въ чѣмъ ему пособствовала жалоба, занесенная чрезъ Ивана Горностая на князя Димитрія, по причинѣ самовольнаго отступленія отъ его племянницы Маріи Львовной. Желаніе короля было приказомъ для Беаты, его почти сестры, возраставшой съ нимъ на дворѣ краковскомъ. Князь Димитрій довѣдавшися отъ Константина Острожского о заходящихъ обстоятельствахъ, прибылъ изъ Черкасъ на Волынь въ осени 1553. г., завѣдомилъ княгиню Иліину о томъ, что хочетъ прибыти въ Острогъ, получилъ отъ ней соизволеніе и двинулся на челѣ 30 козаковъ изъ Дубна, гдѣ тогда и великій гетманъ Тарновскій пребывалъ, въ Острогъ, впущенъ въ замокъ оставилъ половину своихъ войновъ въ вратахъ замковыхъ, а самъ поспѣшилъ съ прочими въ теремъ княжескій. Едва стался съ княгинею и княжною витати, завѣдомлено Беату,

что шуринъ ей князь Константинъ хочетъ ю посѣтити; но прежде занимъ она на тое отвѣтила, въѣхалъ Константинъ съ своими 50 людьми вооруженными, проломивши себѣ съ помощію козаковъ Сангушки дорогу сквозь вратъ замковыхъ, при чемъ одинъ изъ службы замковой убитъ, а осмь ранено.

Княгиня Беата, зачувши о происходящой борбѣ, уйшла съ дочерью въ отдаленную комнату и заперлась здѣсь. Оба князѣ удались до ней и стали просити, чтобъ даннаго приреченія додержала и княжну за Димитрія отдала. Она розгорѣлась яростію, стала таковый приѣздъ порицати и впала въ обморокъ. Прійшовши до себе начала извинятися, что безъ соизволенія короля и она на тое пристати не можетъ. Тогда Константинъ розъяренъ проговорилъ: „А мы дальше просити не будемъ“ — взялъ княжну Гальку за руку и отдалъ ю Димитрію говорячи: „Вотъ я ю тебѣ яко стрый отдаю.“ Послано по священника и свѣнчано молодыхъ, выпровадивши княгиню въ иную комнату. Потомъ велѣлъ князь Константинъ принести страны и вина и отвелъ новобрачныхъ въ особную комнату, отдаючи жену мужеви. Еще въ время схватки при воротахъ выслано посланця до старосты Калиского Мартина Зборовского съ завѣдомленіемъ о происходящомъ, а той, хотячи своего сына съ Галькою свѣнчати, выслалъ письмо въ Краковъ къ канцлеру коронному, въ которомъ нетолько обохъ князей, но и гетмана Тарновского въ найгоршомъ свѣтлѣ представлено. Быти можетъ, что Тарновскій яко мужъ правый и

рѣшительна солдатская натура, (который по битвѣ Обертинской въѣзжаючи въ тріумфѣ на Вавель дернулъ самому Сигисмунду I. низъ ступившому изъ трона и идучому къ нему на встрѣчу, сказати терпкіи слова правды) [1]) видячи подполяны сѣти на гетманскую внучку, по правдѣ на то громадное имѣніе, заставленны отъ людей, которыи ю нетолько не знали, но даже и невидали, заявилъ свое омерзѣніе предъ такими прысками богатствъ чужихъ и всказалъ сынови гетманскому и брату князя Романа на гордійскій узелъ, мечомъ растинаемый: но на подставѣ подозрѣнія клеветати на мужа европейской славы, которому другого подобного тогдашня Польща не пронавела, а который характеромъ своимъ свѣтитъ якъ громадная пирамида середъ пустыны — тое было совсемъ недостойнымъ дѣломъ. Тое письмо вооружило короля а то тымъ больше, понеже вскорѣ потомъ прибѣгъ другій посланецъ съ донесеніемъ, что князь Константинъ завладѣлъ Острогомъ, поселился тамъ съ матерію и съ женою своею и господарить въ немъ якъ бы въ своемъ имѣніи. [2])

Въ краіцѣ потомъ прибыла Беата въ Краковъ и заскаржила обохъ князей. Позвано обохъ на судъ, который отбылся въ Кнышинѣ на Подляшю, куда и самъ король прибылъ. Князѣ неявились. Оборонитель ихъ представлялъ: что княгиня Беата обѣтовала выдати княжку за Димитрія и предложилъ относи-

---

[1]) Orzechowski Żywot Jana Tarnowskiego.

[2]) Przezdziecki Jag. II. 80. 82.

тельное письмо ея; дальше, что на представленія Беаты съ тѣмъ согласился стрый дѣвицы, князь Константинъ Василій, отдающи жену мужеви ибо усмотривалъ въ недодержаніи слова своего нетолько безчесть свою, но и цѣлого дома Острожскихъ, а впрочемъ видѣлъ онъ въ Беатѣ большую жажду до богатствъ (дочери, нежели любовь къ ей особѣ.[1]) Потомъ представлялъ тойже, что князю Димитрію не ходитъ о богатое вѣно, но о жену, которую любитъ и которая тое посѣдчити готова, только не въ присутствіи матери. Онъ отрицается всѣхъ богатствъ ея. Наконецъ привелъ оборонитель въ память, что никто въ послѣднихъ часахъ частѣйше съ Татарами побѣдоносно не боролся, якъ князь Димитрій Сангушко. Тое подкрѣплялли многіи литовскіи члены суда а то тѣмъ больше, понеже молодыи свѣчались насамперед съ священникомъ православнымъ. а познѣйше еще разъ священникомъ латинскимъ. Но противная сторона состоящая найбольше изъ сенаторовъ польскихъ, а на которой челѣ стоялъ воевода Зборовскій и которую тайно подкрѣплялли Сигисмундъ Августъ и маршалокъ Радзивилъ, перемогла и князя Димитрія Федоровича Сангушку заслуженно позорно на безчесть и горло, а Беата выпросила себѣ. чтобъ сейчасъ выправлено письма гончіи, чтобъ молодыхъ жениховъ поймано и дочерь матерѣ отдано. Князю Константину отнято опекунство и узнано его такожде

Bielski Kronika II. 1116.

[1]) Górnicki dzieje w Koronie pol. Kok. 1637

за соучастника. Познѣйше однакъ увольнено его отъ того засуда.[2])

Князь Димитрій перебралъ между тѣмъ свою жену за хлопака, обстригъ ей волосье и уѣхалъ съ нею за границу. Но къ ихъ несчастью избрали они не ближайшій и певнѣйшій путь на востокъ или на сѣверъ, но удались черезъ Польщу и Силезію въ Чехію, гдѣ намѣряли поселитись въ замку Рудницкомъ (Raudnic), належавшомъ до гетмана Тарновскаго. Туда погналъ за ними Зборовскій съ сыномъ своимъ Мартиномъ (молодшимъ), тоже двохъ графовъ зъ Горки, такоже двохъ Косцелецкихъ, сродниковъ Беаты, всѣхъ было съ службою больше якъ 300 ѣздоковъ. Молодыи станули въ мѣсточку Лисѣ, о 5 миль передъ Прагою, гдѣ заночевали. Ту очернилъ молодшій Зборовскій передъ посадникомъ городскимъ князья Димитрія, что тойже много невѣстъ позабивалъ, а инныи черезъ него окнами повыскакивали зъ замку и позабивались а княжну онъ увезъ и за тое на смерть сказаный. Зажадалъ про тое помощи посадника, чтобъ убійцу зловити. Получивши таковую, обступилъ вооруженными домъ. Съ свѣтомъ растворено дверь комнаты и пало нѣсколько выстрѣловъ въ таковую, двохъ людей Чеховъ ранено, но князь Димитрій не былъ пострѣленъ; Онъ вергся къ комнатѣ, въ которой была княгиня, но недопущено его, здерто зъ него даже сорочку, а одинъ зъ людей Зборовского утялъ его изъ заду, другій ударилъ его серебрянымъ будзиганомъ въ го-

[2]) Przeździecki Jag. II. 82.

488089

лову, войтъ же зъ Нимбурга, который вразъ съ старшимъ Зборовскимъ и съ проводникомъ Евреемъ прибылъ сюда, ударилъ его стрѣльбою по головѣ. Когда князья цѣлкомъ нагаго и такъ пораненого, что кровь отъ головы струями по очехъ и цѣломъ тѣлѣ сплывала, назадъ въ свѣтлицу вели, одна изъ служащихъ чешихъ заламуючи руки проговорила: „На Бога и на Матерь Божу неведѣтъ его такъ безстыдно“. Но старшій Зборовскій, ударяючи его помеже очи, назвалъ продателемъ и додалъ упрекъ, что перше воевалъ съ Татарами а теперь съ невѣстами. Иный зъ свѣрныхъ додалъ упрекъ, чтобъ князья по турецки за ребра повѣшено. Княгиня Гальша упала по дѣкрать до ногъ Зборовского, а той запиталъ ю, чи зостала уже правдивою женою, на что отвѣтила потвердительно. Княгиню всаджено до повозки, а Димитрія окутого желѣзами, необвязавши его раны, вложено на возъ и повезено въ Нимбургъ, о нѣсколько миль отстоящій. Тамъ просился онъ у пособѣгавшихся мѣщанъ: „Мои милые господинове, имѣйте справедливое милосердіе надомного, невыдавайте мене въ руки Поляковъ; я откликуюся до короля рымского, а если той мене на смерть осудитъ, охочо поддамся тому.“ [1]) Ктось изъ мѣщанъ послалъ по цирулика, чтобъ осмотрилъ раны Димитрія; но когда той прибылъ, недопущено до того. Молодшій Зборовскій проговорилъ до князья: „А якъ ты осмѣлился тое сдѣлати, чтось невзялъ дѣвку или дворянку, но взялъ себѣ чисто королевну дѣвицу.

---

[1]) Przezdziecki Jag. II. 94.

А гдѣжъ задѣлъ ты ей богацтва, ей дорогоцѣнности?“ Князь Дмитрій неотвѣтилъ ни слова.

Когда едва живый Димитрій узрѣлъ, что готовлятся до дальшой ѣзды, добылъ онъ послѣднихъ силъ и просилъ голосно мѣщанъ, чтобъ ради всевышняго милосердія Божого невыдавали его и недопустили его дальше вести, но чтобъ послали къ королю римскому или къ архикнязю. И истинно одинъ мѣщанинъ выслалъ посланца въ Прагу, но Зборовскія повезли его съ открытыми ранами въ Яромиръ, о нѣскольконадцять миль къ сѣверу отъ Нимбурга отстоящій. Ту станули въ домѣ заѣзднома, замкнули страдальця въ стайню, привязали его цѣпью желѣзною и поставили на стражи Татаръ своихъ. Смерть положила конецъ страданіямъ Дмитрія.[1]) Яромѣряне велѣли тѣло на свой счетъ облечи въ погребальныя ризы и вложити до справленой имъ домовины. Но старый Зборовскій велѣлъ ризы съ мертвого здерты, домовину генъ вынести, а тѣло князья якъ Гіоба на гною въ стайнѣ зложити. Тое варварское поведеніе произвело у Яромѣрянъ великое огорченіе, ибо слуги князя оповѣдали, а сама княгиня повтаряла, что князь Димитрій свѣчался съ нею за сонзволеніемъ ей стрыя, что двѣератъ были они благословены.[2]) По четырехъ дняхъ выдали Зборовскіи мертвеца и той зосталъ похороненъ въ костелѣ св. Николая, гдѣ познѣйше поставлено гробовый камень съ написію латинскою и ческою. Послѣдня звучитъ:

---

[1]) Stryjkowski kronika II. 407—410. — Gwagnin kron. 318.
[2]) Przezd. Jag. II. 97.

„Thu lieszy Knize Dimithr Sanduschkowycz, Starosta Czyrkawski y Kaynowski rodu Wyelkiego Knize Litewskie Olgierdowa, kthurego zamordował y zabil nieszliachetnick Marcin Zborowski, niemyawszy do niego zadny przciciny. 1554.“[2]). Похоронено его въ гробѣ, гдѣ еще никто нележалъ. Гробъ той найдено 1859, а 1860 прибылъ сюда князь Романъ Сангушко, велѣлъ его въ своемъ присутствіи открыти и найдено кости добре сохранены, а въ чашцѣ были покровавленыи мѣста, которыи доводятъ о убійствѣ. До старого каменя надгробного додано въ низу другій съ написію: „Hic jacent exuviae principis Demetrii Lubartowicz Sanguszko... По повелѣнію Фердинанда, цѣсаря римского а короля ческаго задержано участниковъ той ужасной выправы черезъ одинъ мѣсяцъ въ Яромирѣ, но на прошеніе Сигисмунда Августа выпущено ихъ. Зборовскіи отнесли побѣду съ Косцелецкими и Горками, но Немезисъ историческая, по правдѣ рука справедливости Божой, затяжила на потомкахъ ихъ а даже и на живущихъ еще; за короля Стефана Самуилъ Зборовскій обезглавленъ въ Краковѣ, Криштофъ изгнанъ зъ краю, Беата еще прежде сумно закончила жизнь свою; нѣсколько соучастниковъ напрасно умерло, а войтъ нимбургскій, всперавшій варварства Зборовскихъ г. 1557 получилъ засудомъ суда пражского тѣлесную кару, въ каждой изъ 3 головныхъ частей Праги назначенъ розжаренымъ желѣзомъ и выведенъ катомъ (палачемъ) за мѣсто. Но и тогдашніи Зборовскіи недостигнули надежныхъ корыстей изъ засуда и умерщвленія князья

[2] Przezd. Jag. II. 99.

Димитрія. По смерти бо его сближался Зборовскій до гетмана Тарновского, яко повязаного съ Острожскими. Сигисмундъ Августъ, которому влѣяніе Тарновского такъ въ Польщи якъ въ Литвѣ выдавалось быти грознымъ, нетолько отмовилъ заслуженому гетману, (которого названо даромъ великимъ, нимъ же Господь весь народъ польскій прославилъ) опорожненого по Петрѣ Кмитѣ староства краковского, но и прихиляющихся къ нему Зборовскихъ отсунулъ отъ соубѣгательства о княжну Гальку а властиво о княжество Острожское.[1]) Онъ загадалъ свѣнчати Гальку съ Лукашомъ Горкою, сродникомъ Косцелецкихъ, который належалъ до выправы гонителей за покойнымъ княземъ Димитріемъ. Яковыиже были Горки (Górki), явствуетъ изъ того обстоятельства, что въ Средѣ, городѣ западной Польши, собранная на сеймикъ шляхта польска въ г. 1521 о мало что не порубала ненавистного каштеляна познанского Лукаша Горку [2]) О позднѣйшихъ же Горкахъ пишетъ пропамятникъ въ дѣлахъ церкви польской зъ г. 1551. что ихъ злодѣянія всѣмъ людемъ извѣстнѣйшія, такъ, что не надобно ихъ исчислять. [2])

---

[1]) Orzechowski Zyw. J Tarnowski (Tarnowski) darem wielkim, którym Bóg uczcił, uraczył i wywyższył cały naród polski.

[2]) Tarnowski: Przegląd polski. Kraków. 1868.

[2]] Scriptores rerum polonikarum. Kraków 1872. I. 95: „Id, quod prisca illa nostraque haec aetas videt in nepotibus Episcoporum Łaski, Lubrański, Rzeszowski..... et domini de Górka, quorum flagitia cunctis hominibus notiora sunt, quam ut explicari illa sit necesse. — Orzelski: Dzieje Polski I. 181.

Навѣрно съ внушенія короля, который 1555 г. прибылъ до Варшавы, пріѣхалъ и Лукашъ, грабя въ Горки, именованый недавно воеводою бреско-куявскимъ. Здѣ пребывала королева мати Бона съ дочерями, тоже съ Беатою и Галькою. Чтобъ коварное дѣло перевести и своего повиноватого Горку, сродника Косцелецкихъ, сдѣлати властелиномъ громадныхъ имѣній острожскихъ, король сталъ намавляти Беату къ сему дѣлу, освободилъ даже княжну Гальку отъ оныхъ §. §. статута литовского, по которымъ сродники Литвинокъ, выдающихся за Поляковъ, могли малою цѣною сплатити имѣнія, на оніи припадающіи, розумѣется, только въ томъ случаѣ, если Галька свѣнчается съ Горкою. Король несоромился неодной сдѣлки, чтобъ только замышленое дѣло осуществити.[3]) Но Беата сопротивлялась тому, а когда узрѣла, что всякіи приготовленія къ немедленному вѣнчанію дѣлаются, утекла изъ комнатъ Боны даже на конецъ замка и скрылась при лазни дворской. А понеже княжна Галька постоянно говорила, что она призволитъ на вѣнчаніе, если мати на тое согласится, то отискано скрывшуюся Беату, снято ей перстень зъ руки, принесено до Гальки и сказано, что мать соизволила и на потвержденіе того прислала ей свой перстень. Такъ нещастна Галька вторично свѣнчана.[4]).

Надбѣгла и мати, но за поздно. Она стала про-

---

[3]] Dziołyński Zbiór praw litawskich Pozn. — Przezdziecki Jagiell. II. 110.

[4]] Niesiecki Herby. VII: Halszka podstępem Lukaszowi Górce zaślubiona.

тестовати противъ того и держалась вразъ съ донькою королевои и дочерей ея, чтобъ освободитися отъ Горки. Но когда Бона отѣхала въ Италію, Беата переселилась съ дочерью изъ Варшавы въ Львовъ, поселилась здѣсь въ укрѣпленномъ тогда кляшторѣ Доминикановъ и роспочала переписку съ княземъ Симеономъ Слуцкимъ (происходящимъ отъ литовско-русскихъ князей Олельковичей, бывшихъ прежде князями Кіева а тогда на Слуцку и Копилю), въ цѣли свѣнчанія его, яко сродника Острожскихъ черезъ оную мужественную княгиню-вдову Анастазію, съ Галькою.

Но надармо протестовала Бона; надармо писала сама Галька до сенаторбвъ, что за Горку выдаватися нехотѣла и нехочетъ; надармо писала самому жениху, что волитъ горло свое отдати, якъ за него выйты; надармо свѣнчалась она наконецъ съ Симеономъ, княземъ Слуцкимъ, прибывшимъ тайно въ Львовъ: король повелѣлъ львовскому старостѣ Барвому г. 1559, чтобъ Гальку отобралъ отъ матери а отдалъ Лукашови зъ Горки (сельце подъ Краковомъ).[5]) Той удался до Беаты, но получилъ въ отвѣтъ: что король на тое есть опекуномъ, чтобъ сироты небыли утискаемы а не на тое, чтобъ дочери дворянскіи противъ воли родительской выдавалъ за мужъ, за кого самъ схочетъ; былабы то неволя, горша отъ турецкой; наконецъ добывши штилета, сказала, что скорше тое орудіе въ донцѣ а потомъ въ себѣ утопитъ, занѣмъ отдасть ю въ тую неволю.

---

[5]) Niesiecki herby. VII. król surowym ordynansem oddać ją Górce rozkazał.

На такій отвѣтъ началъ Лукашъ Горка бомбами зъ мортиромъ остръливати домъ кляшторный, въ которомъ пребавали обѣ княгинѣ, но и то незломило духа нѣвѣстъ. Тогда велѣлъ староста руры водвыи, проложеныи до кляштора, поотнимати, а когда городская управа уже рѣшила выслати посланця до великого гетмана и воеводы въ Краковъ съ прошеніемъ о помощъ, навѣрно вооруженную противъ двѣмъ вдовамъ, то староста, обавляючися потери своего чина, удался еще разъ до княгинь, представилъ имъ казнь, якая установленна на тѣхъ, которыи чужіи жены насиліемъ берутъ и на тѣхъ, которы въ таковыхъ насиліяхъ участвуютъ и подѣйствовалъ тѣмъ такъ успѣшно, что Галька отдана ему въ секвестръ и вывезена на замокъ а второго дня отдана Горцѣ.[6]) Нещастная княгиня седѣла на замку на ложи, обернена до стѣны, неговорячи до никого, непринимаючи стравъ ніякихъ отъ людей замковыхъ, только споживала то, что ей мать прислала, а когда ею вывожено изъ Львова, нужно ю было насиліемъ до воза всадити. На письмо Гальки къ самому королю необратилъ Барзи даже вниманія.[7])

Чтобъ помститися на ненавистныхъ ей, хотя спокревненныхъ Горкахъ, записала Беата въ Краковѣ грамотою, по русски писаною и 7 печатьми скрѣпленною, имѣнія острожскія: Полонне (при желѣзной дорозѣ зъ Бродовъ въ Кіевъ), Красиловъ (на востокъ отъ Збаража, надъ Случемъ лежащій), Чудновъ, Суль-

[6]) Górnicki dzieje w koronie 155—159. Stryjk. II. 407—411.
[7]) Przezdziecki Jagiell. II. 132, 133, 178.

жинцы, Сушу, Колодно, Черниховъ, Ровно, половину Степани, Хлапотинъ, Сатыевъ, Жарново, Янушполь, Панковцы, Дятковцы, Вязовецъ, и Дрыбовъ зятью своему Симеону Юрьевичу, князю Слуцкому.[8]) Той выставилъ новь грамоту русскую въ Краковѣ г. 1559 списану и 8 печатьми скрѣпленную, въ которой Беатѣ, матери жены своей Гальки, оставляетъ всѣ тіи имѣнія до ковца ей жизни.

Лукашъ Горка завезъ противную ему Гальку въ свой замокъ Шамотулы, лежащій при городку Шамотулахъ, о нѣсколько миль отъ города Познаня отдаленый; а понеже тая сопротивлялась съ нимъ жити, умѣщено ею въ одной изъ вежъ замка, середъ подворя стоящой и заведено сильную стражъ. Князь Симеонъ Слуцкій, ея третій мужъ, и Беата удалась въ Красникъ, 6 миль отъ Люблина къ югу отдаленый, гдѣ пребывалъ воевода краковскій Станиславъ Тенчинскій, съ которого дочерію свѣнчался братъ князья Симеона Юрій. Отъ сюда начала Беата на всѣ стороны переписиватись, чтобъ выдобыти свою дочку зъ неволи вавилонской. Она послала примасу Пржерембскому хорошую суму, чтобъ содѣйствовалъ; но той непрійнялъ. Воеводѣ Тенчинскому обѣтовала она 10.000 зол. за высвобожденіе Гальки и такъ, якъ въ письмѣ къ королю, назвала она, впрочемъ безуспѣшно, пребываніе Гальки въ Шамотулахъ неволею вавилонскою, такъ теперь въ письмѣ къ Тенчинскому выразилась она, что по причинѣ того горкого богатства

---

[8]) Przeżd. Jag. II. 133.

терпитъ она вразъ съ дѣточками (съ Галькою и Симеономъ Слуцкимъ) нечуванныи нетолько въ христіянствѣ, но и въ язычествѣ обиды.[9])

Якъ тогда засмотривались самыи выдающіися люди на тую справу, доказуетъ письмо одного изъ дворянъ и повѣренниковъ Беаты. По розговорахъ съ такими вліятельными людьми пишетъ онъ зъ Вильны къ ней, что Горцѣ за отступленіе своихъ правъ до Гальки треба будетъ дати нетолько 100,000 золотыхъ, но такожъ одинъ або и больше замковъ; дальше пишетъ, что и кто-тамъ старшій будетъ хотѣлъ гдѣ что получити, тоже архіепископъ и который-то епископъ (навѣрно познанскій, вѣнчавшій Гальку conditionaliter съ Лукашомъ Горкою), а потомъ еще кто инный, — ибо о княгинѣ Беатѣ такъ всѣ розумѣютъ, что у ниодиного пана польского ни литовского нечуютъ такъ великихъ богатствъ, якъ у ней.[10])

Но дѣломъ тымъ нетолько занималась Беата а за житья князя Симеона вмѣшалось въ тое и дворянство литовское, подаючи на соймѣ виленскомъ г. 1559 прошеніе къ Сигисмунду Августу о рѣшеніе справы Гальки; но оно получило слѣдующій отказъ: Его королевская Милость хочетъ въ той справѣ учинити то, что слушного и пристойного видѣтися Его Милости будетъ.[11])

Nr. [9]) Przezdź. Jag. II. 139—157.
„ [10]) Przezdz. Jag. II. 162.
„ [11]) Działyński. Zbiór praw. Pozn.

Понеже дотеперѣшніи переписки были безуспѣшны, то Беата обратилась къ повѣреннику Сигисмунда Августа, къ воеводѣ Радивилу, пишучи къ нему: „Помилуй, поможи, спасай нужденную заточницу, освободи увязненную яко панъ милосердный, а панъ христіянскій.“ А въ немного познѣйшомъ письмѣ къ Радивилу пишетъ она: „Благоволи вывести Гальку зъ того пекельного (адскаго) Вавилона не христіянского, изъ рукъ того тирана.“ [12]) Благороднѣйшій, якъ многіи инныи, Тенчинскій признаетъ въ письмѣ своемъ до примаса, что безчестное лихоимство и огидное самолюбіе препятствуютъ залагоженію сего дѣла. Шуйскій зоветъ ту справу скверною, въ которую много людей свои пальцѣ мачало.

И къ архіепископу гнезненскому, вышеименованному примасу Польщи, обратилась Беата съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ такъ выражается: „..... той панъ зъ Горки такъ намъ осолодилъ нашъ бѣдный свѣтъ, что нетольно въ христіянствѣ или въ поганствѣ, но кажется и въ пеклѣ того беззаконія нетерплятъ, якое я съ дѣточками терплю.“ Въ дальшомъ теченіи того письма признаетъ она упреканія своей совѣсти, что по причинѣ того худого богатства дочерь ей такъ долго страждетъ въ вязницы душею и тѣломъ и прото проситъ примаса, чтобъ ей милую дочку зъ той Содомы высвободилъ.[13])

Глава церкви польской пишетъ немножко отмѣнно отъ словъ Тенчинского и совѣтуетъ Беатѣ

Nr. [12]) Szujski Dz. Pol. II. 273. — Przezd. Jag. II. 177.
„ [13]) Przezdz. Jag. II. 174—186.

черезъ ей посередника Зборовского убившаго князя Сангушку Димитрія, что подобалобы напередъ посмотрити.... чтобъ воевода (Горка) получилъ приличное вознагражденіе потерей своихъ. Беата обѣтовала 60.000 талеровъ, познѣйше и 100.000 зол., а то не по тому, яко бы объязанна была, ино для того, чтобъ свою дочерь на свободу выпущену при себѣ имѣла, а не въ той вязницы. Самая Галька имѣла, послѣ Зборовского, заявити, что она за такимъ условнымъ вѣнчаніемъ („если мати соизволитъ, то и я соизволяю“) пана Лукаша мужемъ имѣти нехочетъ а передъ Горкою имѣла сказати: Я присягла матери, безъ ей воли ничего недѣлати.[14])

Между тѣмъ обстоятельства значительно измѣнились. Князь Симеонъ Слуцкій померъ г. 1560. а понеже Горка свой пріѣздъ относительно справы Гальки отлагалъ, тожъ 50 лѣтная Беата забыла на дочерь свою, свѣнчалась г. 1564 съ 30 лѣтнимъ Альбрехтомъ Ласкимъ и записала ему всѣ свои (по правдѣ Гальки) имѣнія острожскія, которыми по смерти Симеона Слуцкого завладѣла. Изъ того видно, что Беатѣ нестолько ходило о дочерь, якъ о богатства острожскія и о ей честолюбіе; тожъ рука вышня вскорѣ затяжила надъ нею. Ибо жестокосердая мать и расточивая вдова, едва свѣнчалась съ Ласкимъ, напала насиліемъ на городокъ Славянскъ, лежащій въ юго-восточной сторонѣ отъ Харкова а належащій до князя Константина II. Острожского а

Nr. [14]) Przezdz. II. 18[illegible]—195.

вкратцѣ потомъ такъ велась въ лицѣ своего мужа, что тойже ю въ своемъ замку Кезмарку, на Спижи въ Угорщинѣ, недалеко Татръ лежащомъ, дожизненно заключилъ, такъ, что дальше о ней и чутка загинула.[15]) Въ г. 1570 отступилъ Ласкій всѣ имѣнія, ему Беатою записаны, королеви Сигисмунду Августу, задерживаючи себѣ только дожизненное посѣданіе шести замковъ въ тѣхъ имѣніяхъ, которыи князь Константинъ сумою выше двохъ миліоновъ выкупилъ. Тое отступленіе Сигисмундови было только ложнымъ, сдѣланнымъ навѣрно по тому, чтобъ Литва а именно князѣ Острожскіи немогли больше своихъ правъ до нихъ подносити, иначе мусѣлибы съ самымъ королемъ тяжбу вести. Но рука Провидѣнія и здѣсь иначе разрѣшила, ибо по смерти Сигисмунда II. новый король, хотяй чуждый такъ русскому якъ польскому народу, розсудилъ дѣло тое справедливо.

Несчастная Галька, тая истинна представителька судебъ южно-русскаго народа - сиротины, которой красота, повиновеніе и богатства споводовали частѣйшіи напады на ню, дальше отнятіе ей свободы и имѣній а въ концѣ и дожизненную печаль и горе — по 12 лѣтной неволи въ Шамотулахъ, гдѣ дотеперь ей башня зовеся „вежею чорной княгинѣ“ и гдѣ преданіе о ней доселѣ сохранилось, съ смертію Лукаша Горки, послѣдовавшею г. 1573, освободилась отъ дальшаго плѣна. Ей братъ стрыечный Янушъ Константиновичъ Острожскій прибылъ съ численною

Nr. [15]) Gwagnin Kron. Sarm. 318.

свитою по ню до Шамотулъ и отвезъ ю до Дубна.[16]) Галька, тогда уже 34 лѣтъ числяща, вертала съ тоскою до родинныхъ странъ и пребывала до смерти своей въ г. 1583 послѣдовавшой, въ дому стрыя своего Константина.[17]) Король Генрихъ Валезій, розсмотрившися въ справѣ имѣнія Гальки, уничтожилъ записи Беаты и Лаского, поручилъ, чтобъ Ласкому выплатити 48.000 золотыхъ, яко належащихся Беатѣ послѣ записей покойнаго князя Иліи а всѣ имѣнія велѣлъ отдати княгинѣ Гальцѣ яко отеческіи, что по сплаченію оной сумы Ласкому черезъ князя Константина истинно послѣдовало.

Здѣсь ясно оказуется великое различіе между западными сродниками Гальки, якъ Косцелецкіи а даже и самымъ отщетившимся послѣднимъ Ягайловичемъ — и между русскою душею княземъ Константиномъ, что найлучше сама Галька, послѣ документовъ въ Дубнѣ доселѣ обрѣтающихся, описуетъ яркими красками: „Я Лукашова зъ Горки, воеводина познанска Елисавета Иліина княгиня Острожская.... Оставшися насамперед по покойномъ отцѣ моемъ, князю Иліи Константиновичу Острожскимъ.... а потомъ по покойномъ мужу моемъ пану Лукашу зъ Горки.... сиротою и вдовою, будучи утисненною весьма невиносимыми обидами.... зостала я опущеною отъ всѣхъ сродниковъ, близкихъ и повиноватыхъ моихъ.... такъ, что ниоденъ изъ нихъ.... даже

Nr. [16]) Raczyński Wspomn. Wielkopolski Pozn. 1842. p. 176.
„ [17]) Orzelski Dzieje Polski I. 163.

сродницею мене своею именовати нехотѣлъ и якбы презрѣвши мною, сиротствомъ, недостаткомъ и вдовствомъ моимъ..... всѣ мене оставили..... Дознались мо только неизреченой чувствительности, благости и доброты, избавленія и помощи отъ Его Милости Свѣтлаго Пана Константина Константиновича, князя Острожского. Его милость благоволилъ оказывати ю мнѣ еще за житя мужа моего а по смерти спровадилъ мене въ домъ свой..... и въ всѣ достатки заосмотренную въ домѣ своемъ держитъ. А что важнѣйше, когда..... всѣ помѣстья мои отеческіи..... розличнымъ людемъ заставленыи и позаписованы..... собственнымъ иждивеніемъ и трудомъ..... отъ пана Лаского откупити изволилъ. Когда такъ великихъ и невысловляемыхъ благодѣяній ни отецъ, ни мати оказати мнѣ немогли бы, я немаючи чѣмъ отвдячитись.... записую брату моему любезному князю Янушу Острожскому... 20.000 коп грошей (около 50.000 золотыхъ)... Въ Дубнѣ 15. мая 1576 г. Подписали и приложили свои печатки свидѣтели и пріятели Гальки; князь Богушъ Корецкій, воевода волынскій, Василь Загоровскій, каштелянъ брацлавскій, Гаврило Бокій, судія земскій луцкій и Федоръ Рудницкій.

Кромѣ того записала познѣйше княгиня Галька въ судѣ городскомъ въ Луцку суму 150.000 коп въ пользу своего стрыя.... и соизволила ему въ сей сумѣ всѣ свои имѣнія отыскати а кромѣшными письмами записуетъ ему Острогъ, Копыль и ин.[18])

Nr. [18]) Przezdz. Jag. II. 206—209.

Года 1580 зреклася и Анна Ягайлонка въ своемъ и мужа своего короля Стефана Баторого имени всѣхъ правъ на записанныи Ласкимъ брату ея Сигисмунду Августу имѣнія острожскіи въ пользу княгини Гальки.

Чи Галька, числяща тогда уже 40 лѣтъ, думала еще о супружествѣ и чи истинно съ ума сойшла вслѣдствіе столько страданій, якъ то Папроцкій въ своемъ гербарѣ подаетъ, годѣ съ точностію узнати.[19]) Вправдѣ еще г. 1582 исходатайствовали сродники Гальки по княгинѣ Татіянѣ Гольшанской, матери князя Иліи Константиновича, что король Стефанъ повелѣлъ княгиню Гальку ставити на соймѣ и возвратити нѣкоторыи имѣнія належащіися по ней родинамъ князей Збаражскихъ, Порицкихъ, Гольшанскихъ и Воронецкихъ; но г. 1583 заявлено передъ судомъ владимирекимъ, что княгиня Галька померла.

Хорошо говоритъ о ней Оржельскій: „Судьба полную чашу горести изліяла на тую невѣсту. Происходяща отъ найдостойнѣшихъ и славою дѣлъ своихъ знаменитыхъ предковъ, одаренна неизмѣримыми сокровищами и необыкновенными свойствами тѣла и души: была она такъ бѣдная, что незазнала ни на часочокъ счастья.“[20])

Тіи крайности въ условіяхъ всякаго можебнаго счастья а дѣйствительнымъ, почти непрестаннымъ несчастьемъ подали занимательный предметъ истори-

---

Nr. [19]) Poprocki herby. 447 Seg. — Niesiecki 173. s. — Gwagnin Kron. Sarm. 318. — Stebelski III. 71.

„ [20]) Orzelski Dzieje Pol. I. 163.

камъ, поетамъ и искусникамъ, якъ Пржездзьецкому, Крашевскому, Шуйскому и иннымъ а на дняхъ сѣверному повѣствователю зъ надъ Невы къ особымъ сочиненіямъ о княгинѣ Елисаветѣ Иліиной или якъ ю обыкновенно зовутъ, о Гальшцѣ.

Князь Константинъ II. (Василій) Константиновичъ.

Князь Константинъ, у нѣкоторыхъ писателей такожде Василіемъ названъ, былъ вторымъ сыномъ гетмана литовского Константина Ивановича отъ второй жены тогожъ Александры, княжны Слуцкой. Онъ былъ цѣлкомъ неподобный до своего старшого брата князя Иліи, такъ относительно долголѣтности своей, якъ и славы и счастья. Онъ въ высокой степени пригадывалъ отца своего, нетолько именемъ, но и духомъ. На Руси онъ сталася первымъ мужемъ а и въ цѣлой державѣ литовско-польской зайнялъ онъ высокое мѣсто. Былъ онъ старостою володимирскимъ, маршалкомъ земли волынской, а понеже скоро заявилъ духа воинственнаго, Татары же непрекращали своихъ нападовъ на земли русскіи, то г. 1557 получилъ онъ опорожненное по Григорію Ходкевичу воеводство кіевское.[21]) Здѣсь имѣлъ случайность сынъ и зять гетманскій вславитися доблестными дѣлами. Тожъ одинъ изъ писателей современныхъ[22]) кажетъ, что князь Константинъ II. былъ въ своемъ столѣтію

N. [21]] Stebelski III. 72.

„ [22]] Gwagnin kr. Sarm. 318.

великимъ оборонителемъ земель русскихъ и подольскихъ отъ Татаръ. А другій писатель[23]) повѣствуетъ. что въ ономъ столѣтію никто ни счасливше ни частѣйше недобывалъ на Татаровъ оружія, якъ князь Константинъ. Его войска соединенны съ полками Лаского розгромили г. 1574 полчища турецкіи и татарскіи подъ Бѣлгородомъ (Акерманомъ) при устьи Днѣстра въ Чорное Море. Они зайняли и опустошили той важный городъ, препятствующій торговлѣ водной.[24])

Въ томъ самомъ еще годѣ впали Татары подъ начальствомъ хана Гирея на Украину и зостали побиты надъ Днѣстромъ подъ Сѣнявою; однакожъ значная ихъ часть уйшла съ полономъ, ибо гетманъ Юрій Язловецкій вмѣсто скоро гонити за поганцями, выслалъ посланцевъ до князя Константина въ Кіевъ, чтобъ посовѣтовати сь надъ мѣрами обороны. Такъ великая была повага Острожскихъ въ дѣлахъ военныхъ, именно насупротивъ Татаръ.[25])

Въ г, 1575 Татары съ Волохами ударили въ великомъ числѣ на Русь, переправились недалеко Кіева черезъ Днѣперъ и роспустивши загоны дотерали даже до Константинова; но зостали черезъ войска кн. Константина розбитыи и за Днѣперъ выпертыи. На томъ однакъ они непоперестали, но познѣйше вдерлись и на Подолье, розложились кошемъ подъ Тарнопо-

---

N. [23]) Niesiecki herb. VII. 173. seg.

„ [24]) Orzelski II. 33—50.

„ [25]) Stryjkowski II. 421. Orzelski II. 173. Bielski III. 1366.

лемъ а отсюда дотерали отрядами своими даже до Подгаецъ, Буска и Львова. Подгайцы почти съ землею сровнали, въ окрестности Золочева, Буска выше сто селъ спалили; отъ стѣнъ Львова однакъ зостали прогнаны, а уходячи черезъ Подолье и Бесарабію переправились черезъ Днѣстеръ, тогда почти высохшій, съ 55.000 плѣнниковъ, 150.000 забраныхъ коней, 500.000 скота, 200.000 овецъ и множествомъ золота, серебра, дрогоцѣнностей и прочихъ вещей. Ужасъ передъ Татарамы былъ такъ великій, что и въ Краковѣ, Вратиславлю и дальше еще готовленося до отпора или бѣгства. Народъ гнаный въ ясиръ съ плачемъ прощался съ русскою землею, наполнялъ воздухъ стонами и рыданіями и проклиналъ своихъ сожителей, которыи между тѣмъ зайнятыи выборомъ нового короля сеймиковали по цѣлой Польщѣ.[26]) Самыи Тадары ругалися надъ христіянами а именно надъ гетманомъ и воеводами, которыи розбѣглись и сновь собратись немогли.[27]) Только одную часть полона отобрали имъ козаки подъ гетманомъ Федоромъ Богданкомъ.[28])

Неменшіи опустошенія нанесли Татары и въ слѣдующихъ годахъ, ибо уже г. 1577 заляли они Волынь, опустошивши надъ 200 селъ въ имѣніяхъ острожскихъ, подсунулись даже подъ Дубно и осаждали городъ и замокъ, въ которомъ отбывалось весѣлье племянницы Константина, княжны Дольской,

---

N. [26]) Szujski Dz. Pol. III. 35.
„ [27]) Orzelski II. 176.
„ [28]) Paprocki 447 seg. Stebelski III. 73.

выдающойся за князя Соломерецкого. Князь Константинъ выслалъ своихъ войновъ подъ командою своего сына Януша въ тую сторону, самъ же поспѣшилъ съ другою частію вооруженныхъ загроженному Заславлю въ помощъ. Ту и тамъ врагъ побѣжденъ и разгромленъ въ кровавыхъ борьбахъ съ русскими полками[29]), до которыхъ и князь Иванъ Збаражскій присѣлъ съ своими войнами.

Въ г. 1578 собрался соймъ въ Варшавѣ подъ предводительствомъ короля Стефана Баторого. Въ то время князь Константинъ Острожскій выправлялъ весѣлье своей старшой доньцѣ Екатеринѣ на замку острожскомъ. Увѣдавши о тѣхъ то соймовыхъ и свадебныхъ занятіяхъ самыхъ влѣятельныхъ мужей, выправились Татары уже зимовою порою на Русь, вдерлися на Волынь и окружили веселящійся Острогъ. Князь Константинъ, который всегда многочисленный дворъ, изъ дворянъ и боярôвъ состоящій, при себѣ удерживалъ, сдѣлалъ на осаждающихъ вылазку, сточилъ съ ними кровавое сраженіе и немало ихъ подъ стѣнами Острога якъ и въ бѣгствѣ въ дальшой окрестности трупомъ положилъ.[30]) Нѣсецкій говоритъ, что князь Константинъ и подъ городомъ Константиновомъ съ Татарами боролся, однакожъ неозначаетъ, чи тое происходило подъ Старымъ Константиновомъ на Волыню, чи пôдъ Новымъ Константиновомъ на Подôлю, надъ рѣкою Бугомъ.[31]) Послѣ Шуйского еще г. 1582

N. [29]) Stecki Wołyń. I. 320.
„ [30]) Bielski kron. III. 1135. Stebelski III. 73.
„ [31]) Niesiecki VII. 173. Seg.

князь Константинъ съ гетманомъ Замойскимъ отперли Татаровъ, подъ ханомъ Девлетъ Гиреемъ появившихся.[32])

Но не только съ Татарами, Турками и Волохами сражался князь Константынъ мужественно; еще г. 1567 пріишло ему воевати въ окрестностехъ привислянскихъ, а то по той причинѣ. Гетманъ коронный Янъ Тарновскій, тесть князя Константина, оставилъ только одного сына, Яна Криштофа. Той померъ г. 1567 безпотомно. Весь маетокъ гетманскій, состоящій изъ Тарнополя, Переорска, Горлицъ, Тарнова и многихъ прочихъ амѣній, припалъ на жену Константина Софію, выданую г. 1550 за князя и внесшую раздоръ религійный подъ его стрѣху. Тая записала свои имѣнія своему мужу и дѣтемъ. Тое произвело зависть другой линіи Тарновскихъ, вслѣдствіе чего Станиславъ Тарновскій, каштелянъ чховскій, совокупивши своихъ воиновъ съ ониии Альбрехта Лаского и Зборовскихъ подступилъ подъ Тарновъ, гдѣ тогда Константинъ пребывалъ, осадилъ и зайнялъ замокъ тарновскій, лежавшій у подошвы горы св. Мартина, по южной сторонѣ желѣзной дороги, изъ которого едва послѣдніи останки днесь видѣти можна. Князь Константинъ, получившій подкрѣпленія отъ князя Вишневецкого и отъ вельможъ литовскихъ Кишковъ, замкнулся въ городѣ Тарновѣ и оборонялся здѣсь мужественно, доки король Сигизмундъ Августъ на вѣсть, что едва

N. [32]) Wielka prywata (gaz. lw.) §. II. Stryjk. II. 431. Bielski III. 1458.

о десять миль отъ его столицы Кракова ведется кровавая война домовая, черезъ своего высланника не принудилъ Тарновскаго къ отсупленію отъ осады.[33])

И въ войнѣ московской, которую провадилъ король Стефанъ Баторій съ царемъ Иваномъ Грозьнымъ, участвовалъ князь Константинъ Острожскій, совокупно съ своимъ сыномъ Янушемъ и съ воеводою брацлавскимъ княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ, воззваны къ тому королемъ Стефаномъ яко высокодостойники державы литовско-польской. Въ сей войнѣ сражался князь Константинъ г. 1579 въ окрестности Сокола, Стародуба и Чернигова, древной столицы князей сѣверскихъ, лежащаго надъ Десною, впадающою подъ Кіевомъ въ Днѣперъ. Положительныхъ користей князь Константинъ здѣсь неотнесъ, но городъ Черниговъ съжегъ онъ и, розпустивши съ козаками своими загоны по Сѣверщинѣ, значительныи нанесъ опустошенія, что духомъ тогдашного времени толкуется.[34])

Кромѣ тыхъ борбъ привужденъ былъ князь Константинъ сражатися такожъ и съ своими найблисшими людьми. Когда притѣсненіе народа русского именно отъ часовъ политической уніи Литвы съ Польщею въ Люблинѣ г. 1569 ставались невыносимыми и заносилось еще на другую унію церковну, тогдашній гетманъ козацкій Косинскій двинулся съ 15.000 вооруженныхъ козаковъ противъ Польщы и собралъ

N. [33]) Scriptores rer. polonic. I. Cracav. 1872 p. 157. Gwagn. 318. Szujski II. 286—296.

„ [34]) Bielski kron. III. 1459. Stryjk. II. 431. Szujski Dz. Pol. III. 62.

свои войска пôдъ Тарнополемъ, чтобъ народови своему выбороти если уже не политескую, то по крайной мѣрѣ церковную свободу. Его всйска, стягающійся подъ Тарнополь, опустошали по дорозѣ и имѣнія князя Константина. Той вскрѣпленъ надоспѣвшими польскими полками, вырушилъ зъ Кіева противъ Косинскаго, надармо хотѣвшого, князя Константина на свою сторону склонити. Косинскій хотѣлъ съ своими козаками заступити воеводѣ кіевскому дорогу и потягнулъ ему на встрѣчу, но подъ Пяткою, между Бердичевомъ и Житомѣремъ, недалеко теперѣшной желѣзницы бродско-кіевской, потерпѣлъ онг г. 1593 значительное пораженіе и погибъ самъ съ 4.000 козаками а 4 старшины козацкіи, попавшійся польскимъ полководцамъ въ руки, зостали живцемъ въ землю закопаны.[35]) Морачевскій кажетъ, что Косинскаго убили Поляки при обѣдѣ въ Черкасахъ.[36])

Но не только въ дѣлахъ военныхъ былъ князь Константинъ Василій Константиновичъ знаменитымъ мужемъ своего времени; въ дѣлахъ духовныхъ онъ стался первымъ столбомъ своего народа и церкви прадѣдной. Уже г. 1543 вставляется онъ у Сигисмунда I. за приходникомъ старинной церкви св. Николая въ Львовѣ и его ходалайству повелось, что тойже отъ притѣсняющихъ его судовъ городскихъ и старостскихъ увольненъ и судамъ епископскимъ и земскимъ подчиненъ.[36])

Доходы изъ своихъ огромныхъ имѣній, выносящіи рочне выше 1,200.000 золотыхъ тогдашныхъ,

N. [35]) Bielski 1689. Дѣдицкій Исторія Руси Льв. 1868 ст. 72.
„ [36]) Moracz. I. 475.
„ „ Szaraniewicz Rzut oka na beneficya. Lwów. p. 18.

или около 10 миліоновъ пбзнѣйшихъ золотыхъ польскихъ, употреблялъ князь Константинъ на созиданіе церквей и монастырей или на заосмотреніе существовавшихъ уже храмовъ въ потребныи фонды.[37]) Морачевскій пишетъ, что сей князь въ самомъ Острозѣ нѣсколько церквей создалъ; изъ актовъ же судебныхъ оказуется, что и въ Дорогобужи князь Константинъ, воевода кіевскій, былъ ктиторомъ церкви монастырской Пречистеньской.[38]) Безсомнѣнно и теперѣшна церковь городска Рождества Христова въ Тарнополи, построена между г. 1602—1609 за его починомъ и пособіемъ. Когда же церковь Успеньска въ Львовѣ погорѣла а священникъ ей о. Михаилъ вразъ съ трема братьми отъ ставропигійскаго братства выбрался въ Россію за складками на построеніе новой церкви, то князь Константинъ поручаетъ ихъ своему подвоеводѣ кіевскому и всѣмъ подвластнымъ, чтобъ ихъ тамъ и назадъ всюда пропускали.[39])

N. [37]) Niesiecki herby VII. 173 seq. — Szujski Dzieje Polskie III. 148.

„ [38]) Moraczewski Starożyt. pol. II. 212. — Архивъ Западной Россіи I. „Года 1592 писалъ о. Θеофанъ Бабацкій архимандритъ Дородобужскій, самъ отъ себе и именемъ княжати Константина Острожскаго, воеводы Киевского, маршалка земли Волын., старости Володим., яко фундатора церкве святое пречистое монастыра Дорогобужского, жалуючи на его милость пана Крыштофа Лодзинского, державцу Дорогобуж. о томъ, штожъ дей п. Лодз. церковь Божую зъкгвалтилъ .. вторгнувшесе на добра церковные... послалъ слугъ своихъ... которые... мене дей въ кизьи моей съ полгаковъ мало не растрелляли...“

„ [39]) Я. Θ. Головацкій въ времени. Института Ставр. Львовъ 1867. с. 72.

Такъ отже въ началѣ 17. столѣтія созидались почти современно каменныи церкви въ Тарнополи и двѣ въ Львовѣ, Успенска и Пятницка, и хотя ктиторами послѣднихъ были: Великій князь московскій Θеодоръ Ивановичъ и Господари Великой и Малой Молдавіи (Іеремія, Симеонъ и Міронъ Могилы, повязаныи съ Потоцкими), то безсомнѣнно и князь Константинъ Острожскій содѣйствовалъ сему дѣлу а вѣроятно онъ внушилъ гражданамъ того духа, построити вѣковыи храми, когда обыкновенно русскіи люди люблятъ держатися легко уничтожаемыхъ деревянокъ [40]) Приходъ же тарнопольскій онъ немножко передъ тѣмъ обогатилъ ежегоднымъ доходомъ и даровизною двохъ лановъ, около 100 морговъ подольской земли выносящихъ, якъ о томъ познѣйше будетъ.

Въ Львовѣ князь Константинъ нетолько вступилъ яко членъ въ братство, нынѣ Институтъ Ставропигійскій, но такожде помоществовалъ томуже братству своимъ совѣтомъ, примирялъ оное съ епископомъ львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ, защищалъ передъ властями и ходатайствововалъ о немъ у престола. Даже сына своего наймолодшого, именемъ Александра, препоручилъ онъ попеченію тогоже братства, отдаючи его, по причинѣ недостатка учителей въ Дубнѣ, на науки въ Ярославль надъ Сяномъ. Письмо относительное, хранящееся въ Ставропигіи, занимательное такъ по содержанію своему,

---

N. [40]) Тамже стор. 64, 65.

якъ и относительно языка, якимъ тогда Волынцы говорили и писали и протое приводимъ оное здѣсь дословно: „Братству Львовскому Успенія Пречистое Богородицы Матере Божей, о Господѣ радоватися и мирне здраствовати желаемъ. — Не невѣдомо, мню, Вамъ се есть, яко сынъ мой князь Алеѯандро восточникъ между зубами западныхъ людей вѣры и науки и всего набоженства усѣлъ, сиречь обителемъ Ярославскимъ сталъ, кдежъ помощи и ратунку въ потверженью вѣры его отъ насъ мѣти не можетъ скудости ради учителей безъ нихже и сами гладъ страждемъ. Но понеже у васъ больше обрѣтается, молю Васъ, да не сице отъ васъ поблизъ суще небреженія ради, якожъ и Константинъ сынъ мой постраждетъ, Бога ради попеченіе всяко сотворѣте, да не имѣютъ въ немъ части ни единоя езуиты, за што вамъ Богъ свою мзду отдасть, и мы в чесомъ случится взаимствуемъ. За тымъ В. М. Господу Богу поручаемъ. Данъ въ Дубна року 1592 Мѣсяца Декабра 1. дня.

В. М. зычл. пріят.

Константинъ княжа Острожское.[41])

За соизволеніемъ а вѣроятно и за внушеніемъ князя Константина купилъ 1598 подданый его Лаврентій Старосельскій, происходящій изъ села Лопушны, за Вишневцемъ и Почаевомъ, домъ въ Львовѣ и подарилъ его церкви Богоявленской тамже. Церковь тая стояла тамъ, гдѣ была до недавна го-

---

N. [41]) Временникъ Ставр. Инст. Львовъ 1867 г. ст. 71.

стинница Крыницкихъ при улицы университетской, гдѣ оба притоки рѣчки Полтвы соединяются.[42]) Благотворительность и вліяніе князя Константина неограничались на Волынь и Галицкую Русь, но они сягали и дальше, обнимаючи почти всѣ православныи земли: ибо г. 1581 заосмотриваетъ онъ приходъ церкви Пречистеньской въ Кіевѣ землею, лежащою на горбѣ Щекавицѣ тамже, и приказуетъ своему намѣстнику (подвоеводѣ) кіевскому, князю Остафію Ивановичу Ружинскому тое исполоити.[43]) Дворянина Ивана Книгиницкого выслалъ онъ съ богатыми дарами для монастырей на горѣ Аѳонской въ Македоніи а той вступилъ въ чинъ св. Василія, пребывалъ нѣкое время въ монастырѣ родного мѣста своего Тысьменицы, потомъ возвышенъ въ игумени монастыря существовавшаго въ Угорникахъ, меже Николаевомъ и Стрыемъ; вконцѣ стался основателемъ славнѣйшаго монастыря галицкого, Скита въ селѣ Манявѣ, въ Карпатахъ за Богородчанами, въ которомъ до 200 черницевъ мѣстилось а который въ концѣ 18. столѣтія закрытъ [44].) Одна изъ церквей сего вліятельнаго монаотыря стоитъ доселѣ въ городѣ Надворнѣ, а одинъ изъ иконостасовъ обрѣтается въ городской церквѣ въ Богородчанахъ.

N. [42]) Шараневичъ статіи геогр. и стр. Львовъ 1875 въ времени. Ставр. с. 158.

„ [43]) Времени. Ставр. Инст. Львовъ 1867 ст. 83.

„ [44]) Bielowski Pokucie. — Wagilewicz Monastyr. Skit. Lwów. — Могильницкій Скитъ Манявскій.

Найбольше дѣйствующимъ явился князь Константинъ въ дѣлахъ уніи церковной или возсоединенія церкви восточной съ западною, которая то унія началась въ Флорентіи 1439 г., разсуждалась 1596 г. на соборѣ народно-церковномъ въ Кіевѣ, а коварно и насильно почасти переведена г. 1596 на соборѣ въ Брестѣ Литовскомъ.

Князь Константинъ сочувствовалъ съ начала тому дѣлу, отъ котораго сподѣвался пользы для міра христіянскаго, затѣмъ и для православія; но съ временемъ пересвѣдчившись о противномъ, сталъ душею православія въ 16. столѣтіи. Полякамъ бо неходило о щастье вѣчное Русиновъ православныхъ, но о тое, чтобы водворивши въ своихъ областяхъ единую однообразную вѣру, скрѣпити тимъ образомъ свое государство.[45]) Такъ само дѣлало и дѣлаетъ почти кождое правительство. Греки съ своими побѣдами росширяли всюда культъ своего Зевса и Гераклея; Римляне часть нѣкую завоеваной ними земли всегда обращали въ имѣніе храмовъ, воздвигаемыхъ въ честь своихъ боговъ; Кароль Великій прицѣплялъ языческихъ Сасовъ къ своей державѣ посредствомъ креста, прусская держава распространяетъ въ своихъ краяхъ протестантизмъ, Англія укрѣпляется въ своихъ колоніяхъ посредствомъ миссій духовныхъ — и инныи державы дѣлаютъ подобнымъ образомъ. Однакъ въ тихъ державахъ прослѣдовано свои цѣли церковно-политическіи най-

N. [43]) Иловайскій Исторія.

больше мирнымъ образомъ; въ Польшѣ же, пертой заграничнымъ несловянскимъ духомъ, поднесено открытое гоненіе православія, которого придерживались двѣ трети части населенія цѣлого государства и то тѣмъ крѣпше, понеже оное, увзглядняючи природныя свойства человѣка и опираясь на народныхъ началахъ, просякло сквозь народъ русскій.

И такъ уже г. 1565, приготовляя времена уніи, покровительствуемый латинянами епископъ холмскій Ѳеодосій взялъ штурмомъ замокъ епископскій и соборную церковь въ Владимирѣ, гдѣ князь Константинъ былъ старостою, а кромѣ того и маршалкомъ волынскимъ. Въ занимательный способъ описуетъ тое произшествіе актъ урядовый: „..... на свѣтанью на мѣстѣ въ костеле лядскомъ на гвалтъ звонити и зъ дѣлъ пять на замокъ владичій, а зъ замку великого съ четырохъ дѣлъ стрѣляти, бити въ церковь соборную; два и полъ тысяча штурмовало шесть разъ — а церковь соборную пострелено... ажь въ два часи въ ночь зайнято...“

Года 1571 Чирскій, староста варшавскій, ограбилъ отвѣчный монастырь василіанскій въ Дермани, учрежденъ предками Константина, князями Острожскими. Тое пригнетеніе православія усиливалась чѣмъ чазъ больше, такъ, что г. 1590 самъ миролюбивый князь Константинъ, первый вельможа Польщи, принужденъ былъ внести въ судъ жалобу о нападеніи на имѣніе его Крупое... объ ограбленіи церкви, поруганіе святыни и расхищеніе крестянскаго имуще-

ства.[46]) А чтожъ то доперва дѣялось въ инныхъ селахъ и городахъ, если въ имѣніяхъ или въ подвластныхъ земляхъ первого по силамъ сановника: князя, воеводы, маршалка, старосты, сенатора, сына и зятя двохъ найславнѣйшихъ гетмановъ государства, таковыи нападенія производились! Нужнобы здѣсь цѣлыи сочиненія Кояловича объ уніи литовской, Бродовича Пропамятникъ и премногіи инныи выписати, чтобъ имѣти точное понятіе о бѣдствіяхъ русскаго народа и его церкви. Тожъ и небудемъ дивоватися, если нетолько всѣ почти историки русскіи, но даже и многіи польскіи объ уніи а именно о происшествіяхъ, туюже сопровождающихъ, лихо вспоминаютъ. И такъ Шуйскій, похваляючи унію саму, кажетъ, что частѣйшіи и строгіи конституціи соймовъ польскихъ противъ нетолеранціи, свѣдчили о преслѣдованію.[47]) Бобржинскій и Ликовскій, одинъ Краковянинъ, другій Познаньчикъ, считаютъ унію за великую ошибку политическую; Шмитъ кажетъ, что при введенію уніи употребляно средствъ неправныхъ, насилій и несправедливости, допусканося гоненій,[48]) — а немножко дальше говоритъ, что унія была злѣплена почасти коварно,[49]) маститый же Мацѣевскій пишетъ, что король Сигисмундъ III. года 1592 призвалъ до Бреста духовенство русское и велѣлъ ему подписати унію; дальше кажетъ онъ, что силою подкрѣплялъ гетманъ

Nr. [46]) Архивъ югозападной Россіи I. стр. 236 сл.

„ [47]) Szujski Dzieje Pol. III. 149, 150, 483.

„ [48]) Schmitt Rokosz Zebrzydowskiego. Lwów 1858 p. 53

„ [49]) Тамже стор. 58.

Конецпольскій унію и принуждалъ народъ приноровлятися до приписовъ костела римско-каѳолическаго; немножко познѣйше говоритъ онъ, что цѣлый людъ русскій соймъ варшавскій г. 1597 сказалъ на хлопство..., что всѣ церкви, которыхъ попы непристали на унію, выпущено Евреямъ въ аренду..., невольно было отправляти богослуженіе неоплатившися прежде арендаторамъ отъ 1—5 талярами, отъ колоколовъ и церквей держалъ ключи арендарь... даже священіе пасокъ выпущено Евреямъ въ аренду. Найболестнѣйшимъ было тос, что народъ роздвоился.[50]) Что тойже авторъ о понавляющихся въ слѣдствіе гоненій мятежахъ козаковъ и о ужасныхъ мученіяхъ гетмановъ Наливайки, Павлюка и ихъ старшинъ пишетъ, того неприводимъ здѣсь, ибо тое за далекобы насъ отъ нашего предмета отвело.[51])

Наведеный же выше найновѣйшій авторъ узнаетъ, что церковь православна позбавлена была въ Польшѣ свободы и что унія даже подъ взглядомъ религійнымъ повредила общему благу державы.[52]) Но и самъ спорящій съ Бобржинскимъ ксендзъ Калинка признаетъ, что въ уній берестейской духа религійного мало было съ начала, больше было тамъ духа политического.[53])

Вслѣдствіе тѣх-то гоненій и жестокостей князь

Nr. [50]) Maciejowski Pamiętniki I. 296—303. — Moraczewski Staroż. pol. I. 147.

„ [51]) Также I. 305.

„ [52]) Bobrzyński Dzieje Pol. Warsz. i Krak. V. 1879. ст. 354, 377.

„ [53]) Калинки статія въ дневн. крак. Czas-ѣ изъ г. 1876. § .6

Константинъ помимо своей глубокой старости розвинулъ великую дѣлательность въ оборонѣ прадѣдной церкви и народа. Но онъ ишолъ дорогою мирною и прото говоритъ одинъ изъ писателей давнѣйшихъ, что православныи (сказано шизматики) неподносили оружія. непроливали крови, неуничтожали костеловъ и церквей уніяцкихъ, якъ долго князь Константинъ ними верховолилъ.[54])

И такъ перейдѣмъ его дѣйствованіе въ временахъ сближающойся уніи брестейской. Въ г. 1588 князь Константинъ напоминаетъ крылошанъ церкви соборной въ Володимірѣ, чтобъ церковь свою и дворъ епископскій, въ нужденномъ состоянiи находящіися, возобновили. Тое воззваніе князя нелишилось безъ успѣха, ибо епископъ далъ съ крылошанами пару селъ епископскихъ въ пользу реченного обновленія. Въ два годы познѣйше выслалъ князь Константинъ окружное письмо къ подвластнымъ ему старостамъ, чтобы свѣтскіи сановники прекратили притѣсненія, претерпѣваемыи православнымъ духовенствомъ и немѣшались въ суды духовныи.[55]) Года 1593 ознаймляетъ князь Константинъ арендареви имѣній его горлицкихъ и переорскихъ пану Ленартови Огинскому на занесенное прошеніе подданыхъ князя въ Мирятинѣ и Розборѣ (за Ярославлемъ подъ Переорскомъ), что они „неповинны давати десятины ни яковыхбудь податковъ попови Лядзкому закону рим-

---

Nr. [54]) Hellenius O unii w Polsce (Scriptores res polon.)

„ [55]) Архивъ юго-запад. Россіи I. 236.

ского, тильки попови Рускому закону Грецкого и наказуетъ, чтобы имъ крывди жадной не чинили".[56]) Въ г. 1595 подкрѣпляетъ онъ Ставропигію львовскую въ ей спорѣ съ метрополитомъ Михаиломъ Рагозою, приступившимъ до уніи.

Въ время же самой уніи берестейской г. 1596 зайнялъ князь Константинъ самое видное становиско, онъ станулъ въ главѣ всѣхъ православныхъ Русиновъ, скоро метрополитъ Рагоза зосталъ на сторону унiятовъ переловленъ. Яко голова княжескихъ родовъ Руси, яко покровитель и старѣйшина найславнѣйшихъ братствъ церковныхъ русскихъ, яко высокій достойникъ и сенаторъ Сойма державнаго, наконецъ яко найбогатѣйшій вельможа (трикратъ богатшій отъ самого короля Польшы) князь Острожскій вполнѣ былъ мужемъ до того способнымъ, чтобъ стояти на челѣ цѣлаго народа.[1]) Онъ призвалъ насампередъ ученыхъ мужей русскихъ на замокъ въ Острогъ, уложилъ съ ними и разослалъ отъ себе до всѣхъ братствъ церковныхъ и до православного народа грамоту, что стаетъ въ оборонѣ православія, протестуетъ противъ уніи и непрійметъ ей и на всегда отвергаетъ. Кончитъ тую грамоту словами: "Тако да поможетъ Богъ менѣ и всему православному народу греческои вѣры въ земляхъ русскихъ."[2]) Когдаже наконецъ въ октябрѣ 1596 собрался соборъ въ Бре-

---

N. [56]) Временн. Инст. Ставр. 1867. p. 84.

„ [1]) Дѣдицкій Истрія Руси II. Львовъ 1868 ст. 84. — Schmitt Zdarzenia najw. Lwów 1869. 2 3.

„ [2]) Тамже II. 85.

стѣ, пріѣхали сюда посолъ патріяршій Никифоръ, владики Гедеонъ Балабанъ изъ Львова и Михаилъ Копыстинскій зъ Перемышля, тоже Кириллъ Лукарій предстоятель славнаго училища Острожскаго, а зъ міроскихъ людей князь Константинъ Острожскій съ больше якъ 40 князями, нѣсколько тысячей дворянъ, бояръ и рыцарей русскихъ, тоже съ посланниками отъ всѣхъ знатнѣйшихъ братствъ церковныхъ и множествомъ народа всѣхъ сословій, такъ, что числилось изъ стороны православныхъ около 10.000 людей. Когда Рагоза заявилъ, что онъ уже заприсягъ унію съ римскимъ костеломъ еще передъ начатіемъ совѣщаній, то православнія внесли противъ всякой уніи протестъ письменный въ общемъ собранію, опустили тоеже и подъ предводительствомъ князя Константина и вышереченыхъ владыкъ устроили особый соборъ православный, который внесъ жалобу до короля о коварномъ и неправномъ дѣланію собора и разослалъ поученіе о собывшомся до народа.[1]) Князь Константинъ выслалъ кромѣ того протестъ противъ акта уніи до суду королевскаго и до книгъ сойма варшавскаго.[2]) Многіи перли до того, чтобъ употребити на противниковъ не пера, но меча и списъ козацкихъ: но князь Конституцинъ утихомирилъ всѣхъ, совѣтуючи, чтобъ выжидати съ терпѣніемъ и безмятежно рѣшенія королевскаго. Такъ и розѣхались всѣ мирно, а уніяты провозгласили между тѣмъ въ церкви св. Николая въ

N. [1]) Дѣдицкій II. 92.

„ [2]) Архивъ западн. Русси I. 533.

Брестѣ коварно уложенную унію безъ согласія дворянства, князей и народа.

Сигисмундъ III. отвергъ предложенную ему жалобу православныхъ, запретилъ высланниковъ патріаршескихъ въ свою державу впускати, тоже церкви православныи созидати, обновляти и исправляти. Противно уніятовъ поддерживалъ всѣми средствами. Послѣдствіемъ сего были возстанія козаковъ подъ гетманами Наливайкомъ, Павлюкомъ, Остряницею и Хмельницкимъ, которыи подкопали основанія державы польской такъ, что тая въ сто лѣтъ позднѣйше разрушилась. Наведенный уже прежде авторъ познанскій Ликовскій кажетъ, что авторомъ первой гадки о раздѣленіи Польши былъ Богданъ Хмельницкій.

По князю Константинѣ сталися гетманы козацкіи защитниками православія. Самого князя обвиняютъ польскіи писателѣ, что онъ пристрастно ставалъ до борьбы противъ уніи[3]) и что подкрѣплялъ вражду религійную;[4]) но чтобъ онъ даже козаковъ бурилъ, якъ тое ему Шуйскій[5]) приписуетъ, на тое мы не найшли доказательствъ. Тое обстоятельство, что гетманъ Наливайко происходилъ изъ мѣщанской родины Острожской и что его братъ былъ замковымъ священникомъ князя Константина еще недостаточно, чтобъ бого- и человѣколюбиваго князя-старика въ коварствѣ и затѣяхъ обвиняти. Мы приписалибы оное возстаніе

N. [3]) Schmitt Rok. Zebrz. 57.
„ [4]) Bartoszewicz hist. lit. pol. Krak. 1877. I. 206.
„ [5]) Szujski Dz. Pol. III. 149.

козацкаго военачальника изъ среди Острожанъ воинственному настроенію жительства тамошняго, происходящему еще изъ давнѣйшихъ временъ князей Даніила, Феодора, Ивана и Константина Ивановича. Ибо преданіе, подкрѣпляемое видимыми стѣнами и заборолами геройскихъ родинъ, дѣйствуетъ сильно и на позднѣйшіи поколѣня. [8]).

И послѣдніи лѣта жизни своей проводилъ князь Константинъ дѣйствуя якъ прежде примирительно. Въ таковомъ направленіи потѣшалъ онъ братство Ставропигійское въ Львовѣ письмомъ своимъ, изъ Луцка г. 1.600 высланнымъ, по причинѣ претерпѣваемыхъ кривдъ и гоненій. [1]). Подобнаго содержанія письмо выслалъ князь Константинъ такожде г. 1604 изъ Острога „къ своимъ милымъ и ласкавымъ панамъ Львовянамъ“ (Ставропигійскому братству), увѣдомляючи ихъ, что о притѣсненіяхъ ихъ изъ стороны унитскаго метрополиты Ипатія Поція, наслѣдника Рагозы, выслалъ представленіе къ королю Сигис-

---

N. 8. Starowolski Sarmatiae Bellatores, pag. 94: Danielis illius pugnacissimi Ducis, atque Fedconis manu et ingenio promptissimi viri, quorum insiguia facta et in patriam merita sera annalium narratio posteris commendat imitanda. Quorum exemplo Constantinum quoque ipsum pro patria tot annis decertantem omnibus copiis M. Duc. Lith. viginti et amplius per annos profuit moderator, cujus gravitas tantae humanitati atque comitati conjuncta fuit, nemo ut esset tam humilis et abjectae fortunae, cui non ad eum perfacilis semper pateret aditus: quum ex re cum omnium, tum Roxolanorum suorum, tum etiam mortalium omnium gratiam assequebatur.

N. [1]) Временн. Ставр. Инст. Львовъ 1867 стр. 77.

мунду III.,[2]) якъ то и Маціевскій посвѣдчаетъ, что князь Константинъ началъ заносити до короля и сенату различныи жалобы о угнетеніи Русиновъ.[3]). Еще въ послѣднемъ годѣ жизни своей 1607 пишетъ онъ зъ Острога къ паномъ братства львовскаго, что потѣхами ихъ тѣшился и славою ихъ славился, будучи всегда съ ними въ вѣрѣ единомысльнымъ и въ народѣ единымъ членомъ, а називаючи себе привилеованымъ Ексархою святѣйшой столицы константинопольской (вѣроятно по запрещеніи приѣзда высланниковъ патріаршихъ въ Польшу) говоритъ къ нимъ не зъ власти, но паче совѣтуетъ „любовне и братерско“, чтобъ всякіи недорозумѣнія и всякое несогласіе съ епископомъ Исаіею Балабаномъ, наслѣдникомъ Гедеона, прекратили, при чѣмъ называетъ братчиковъ ставропигійскихъ людьми, которыи „слынутъ розумомъ и стараньемъ о добрѣ посполитомъ и церковномъ.[4])

Такъ дѣйствовалъ князь Константинъ въ дѣлахъ церковныхъ. Но его вліяніе неограничилось только на мечъ и крестъ, онъ памяталъ и на просвѣщеніе и на всякіи пользы своего народа. Про то нетолько русскіи писателѣ величаютъ его, но и инородныи непремолчаютъ его заслугъ: Шуйскій узнаетъ его жертволюбіе,[5]) а Бартошевичъ зоветъ его найбольшимъ патріотомъ русскимъ.[6])

N.[2]) Времени. Ставр. Инст. Львовъ стр. 78.
„ [3]) Maciejowski pamiętn. I. 304.
„ [4]) Времени. Ставр. Инст. стр. 80.
„ [5]) Szujski Dz Polsk. III. 149.
„ [6]) Bartoszewicz hist. l. p. I. 206.

И такъ въ наведеномъ выше письмѣ къ крылошанамъ церкви соборной въ Владимірѣ напоминаетъ ихъ князь Константинъ нетолько къ обновленію церкви и двора епископскаго, но такожде и къ учрежденію училища греческаго и славянскаго въ Владимірѣ. [7]). Завадзкій пишетъ, что князь Константинъ Острожскій учредилъ г. 1588 въ Кіевѣ академію на Падолѣ, которая съ временемъ подупала; тую воскресилъ сновъ митрополитъ кіевскій Петро Могила, получивши на тое 1633 привилей короля Владислава IV.[1]). Морачевскій въ своихъ древностехъ такожде о томъ говоритъ,[2]) хотяй Стебельскій утверждаетъ, что передъ Могилою академіи никогда въ Кіевѣ небыло. Намъ кажется, что школа высша въ Кіевѣ отъ вѣковъ существовала, что подупавшую за нападовъ татарскихъ кн. Константинъ воскресилъ и сновь упавшую за временъ уніяцкихъ метр. Могила возобновилъ, прилагаючи ей имя академіи.[5]). Найславнѣйшимъ въ томъ направленіи дѣломъ князя Константина Острожскаго было учрежденіе академіи въ Острозѣ г. 1595. которой подарилъ села Баклаевку и Борисовку; въ ней учено между инными языковъ греческаго, латинскаго и славянскаго.[3]) Начальниками первыми сей академіи, которой цѣлію было скрѣ-

---

N.[7]) Архивъ югозападной Россіи I. 236.

„ [1]) Zawadzki Grody polskie Lwów 1866 ст. 288.

„ [2]) Moraczewski Staroż. p. Pozn. I. 435. Stebelski II. 146.

„ [5]) Коссакъ Шем. и поглядъ на монастыри. Ль. 1867 ст. 288.

„ [3]) Niesiecki herb. VII. 173. str., Moraczewski II. 212. Stecki Wołyń I. 131. 139.

пити и возвышити православіе, поставилъ князь Константинъ Герасима Смотрицкаго и Кирила Лукарія, который то послѣдній зосталъ познѣйше патріархомъ цареградскимъ. Изъ той школы выйшолъ Мелетій Смотрицкій, сынъ Герасима, который по укончені академіи Острожской продолжалъ свое образованіе въ Вильнѣ, Липску и Вирцбургу, а возвратившись на Русь обнялъ образованіе дѣтей Константина Острожскаго, писалъ сочиненія въ оборонѣ православія и въ иныхъ предметахъ и обладалъ хорошо языками: польскимъ, русскимъ, латинскимъ, греческимъ и нѣсколько западними. Онъ зналъ хорошо нетолько богословіе, но получилъ такожде на западѣ степень доктора медицины.[4]) Въ сочиненіи своемъ, изданномъ 1611 г. „Рыданіе церкви восточной“ онъ упрекаетъ противниковъ, что обиды наносятъ Руси. Найважнѣйшимъ его сочиненіемъ была граматика греческаго языка, писана на латинскомъ языцѣ. Онъ издалъ такожде граматику старославянскаго языка, напечатану 1618 въ Евю подъ Вильною, которая служила яко учебникъ такъ въ московскихъ якъ и въ югославянскихъ школахъ, именно далматскихъ и сербскихъ. Своими дарованіями высокими и своими сочиненіями въ оборонѣ православія съискалъ себѣ такое уваженіе, что зоставши монахомъ за вліяніемъ князя Константина Острожскаго поставленъ архимандритомъ славнаго монастыря въ Дермани подъ Острогомъ, потомъ въ Вильнѣ архимандритомъ монастыря

N. [4]) Bartoszewicz hist. lit. p. I. 208.

св. Духа. По смерти же князя Константина онъ сталъ архіепископомъ полотскимъ; принявши наконецъ унію именованъ архіепископомъ гіерополитанскимъ.[1]. Якъ долго князь Константинъ былъ въ живыхъ Мелетій Герасимовичъ Смотрицкій держался высоко, но познѣйше, вѣроятно веденъ честолюбіемъ, упалъ онъ цѣлкомъ.

Вообще влѣяніе князя Константина на своихъ соотечественниковъ было великое въ каждомъ отношеніи, особенноже на поприщи духовомъ, ибо яко глубокомыслящій мужъ узналъ онъ, что при залишенномъ просвѣщеніи православныи неустоятъ супротивъ своихъ противниковъ, имѣющихъ и польское правительство за собою. И прото справедливо кажетъ новѣйшій историкъ, что князь Константинъ произвелъ громадное движеніе литературное на Руси.[2]) И такъ кромѣ обохъ Смотрицкихъ появились и инныи писателѣ русскіи, якъ Лаврентій Зизаній, издавшій г. 1596 въ Вильнѣ граматику старославянску („грамматіка словенска“) и словарь такійже („словенская азбука“) сюда принадлежитъ и Криштофъ Бронскій, которому кн. Константинъ подарилъ городокъ Вильскъ и нѣсколько селъ на Украинѣ, чтобъ писалъ въ оборонѣ православія; такъ и двохъ братей Зизанія, священникъ Максимъ, Азарій Хира, безименный діяконъ острожскій, владика Гедеонъ Балабанъ и многіи инныи за влѣяніемъ князя Константина начали писати сочи-

---

N. [1]] Stebelski I. Stecki Wołyń I. 140. Bartoszewicz I. 207.
„ [2]] Bartoszewicz hist. l. p. I. 182. 183.

нія въ духу православномъ. Авторы тіи употребляли розличныхъ языковъ въ своихъ сочиненіяхъ, но писали всѣ въ духу православномъ и производили громадное вліяніе на тогдашнихъ жителей всей пространной Руси.[3])

Чтобъ расширенію просвѣщенія тѣмъ успѣшнѣйше содѣйствовати, учредилъ князь Константинъ печатни, насамперед г. 1580 въ Острозѣ, а потомъ 1585 другую въ монастырѣ дерманскомъ[4]) ибо книги противъ православія появлялись чѣмъ разъ частѣйше. Острожская печатня такъ якъ и академія помѣщены были въ стѣнахъ княжескаго замка, подъ окомъ самого князя, который розвинулъ теперь великую дѣлательность, ибо пріобрѣвши для своей печатни московскаго типографа Ивана Федорова и выпросивши у Великого князя московскаго Ивана Василіевича рукопись почти полной библіи, началъ онъ таковую печатати и скончилъ тое важное дѣло уже 1581 года.[6]) Съ яковыми трудностями князь Константинъ при томъ принужденъ былъ боротися, явствуетъ изъ того, что онъ предъ начатіемъ печатанія своей библіи нигде немогъ отискати вѣрной рукописи, и прото выслалъ своихъ людей въ Болгарію, Сербію, Грецію, въ самъ Цареградъ къ патріарху Іеремію и даже въ отдаленый островъ Критъ, недалеко Африки.[5]) Ка-

---

„ [3]) Stebelski II. 115.

„ [4]) Stecki Wołyń. I. 181.

„ [6]) О Ѳедоровѣ особое сочиненія Ант. Петрушевича. Львовъ 1583.

„ [5]) Коссакъ 238.

жется, что всѣ тіи разыскиванія были безуспѣшными ибо славянской рукописи немогъ нигде найти, вѣроятно они уничтожились въ время бобръ арабскихъ, татарскихъ и турецкихъ, и едва удалось богоговѣйному князю найти таковую на сѣверѣ и на прилѣжныи просьбы черезъ писаря вел. княжества Литовскаго Михаила Гарабурду исходатайствовати у Ивана Василіевича, и то не полный списокъ, ибо не было въ немъ третой книги Маккавеевъ. Тая часть отже переведена въ Острозѣ изъ греческаго языка, что въ самой Библіи Острожской примѣчается.[1]) Такъ отже первая полная Библія славянска напечатана узрѣла свѣтъ на южной Руси, недалеко Бродовъ на замку Острожскомъ; примѣрники ея уже дуже рѣдкіи, ихъ съѣли долгое употребленіе, вохкость или огонь комисій римскихъ книгопалящихъ. Намъ извѣстно, что примѣрники той библіи, обрѣтаются еще въ Краковѣ въ библіотецѣ Чорторыйскихъ, въ Вѣнѣ въ библіотекахъ надворной и оо. Скотовъ, тоже въ Римѣ и Оксфордѣ. Въ введенію до сего важного сочиненія самъ князь Константинъ высказуетъ цѣль тогожъ, и заявляетъ увѣреніе, что рукопись, которую ему къ печатанію прислано изъ Москвы, содержитъ переводъ славянскій библіи, происходящій еще изъ временъ св. равноапостольнато князя Владиміра В.[2]) Дальше говоритъ князь Константинъ съ грустію: „Кто бо есть отъ благоразумныхъ, егоже не подвиже жалость

N. [1]] Dobrowsky inst. ling. slavicae. Vindob. 1852. XX. LII, 193.

„ [2]) Dobrowsky p. LI, 701. Kraiński lit. lud. słow. Wrocław 1867 p. 12.

зряще ветхость церкве Христовои на паденіе клонящу ся.“[3]) Въ предисловіи до сей библіи, составленомъ ученымъ настоятелемъ академіи Гарасимомъ Смотрицкимъ, представляется полезность чтенія св. писанія, а дальше выславляется самое изданіе и приносятся похвалы виновнику тогожъ дѣла князю Константину Константиновичу, которого патріархъ языкослововъ австрійско-славянскихъ справедливо богочестивымъ княземъ, благоговѣйнѣйшимъ княземъ, (religiosus Dux, pientissimus Dux) называетъ.[4]) Мимоходомъ прибавимъ здѣ, что по Библіи острожской издано въ южной Руси еще Библіи въ Почаевѣ, Будимѣ а въ временахъ нашихъ въ Перемышли. Тая послѣдняя раскрашена премногими хорошими изображеніями. Кромѣ многихъ иныхъ книгъ, изданныхъ въ Острозѣ, которыи Ропяковъ въ своей библіографіи русской исчисляетъ, хотѣлъ князь Константинъ издати такожде сочиненія ученаго патріарха александрійскаго Мелетія, тогдашняго современника, а то въ языцѣ греческомъ и славянскомъ и къ сей цѣли упрашалъ Ставропигію Львовскую о заимствованіе буквъ греческихъ и искусного наборщика, именемъ Касіяновича.[5]) И дерманская печатня непраздновала, она издала г. 1603. отже въ 112 лѣтъ по Краковянину Святополку Фіолѣ, свой Октоихъ и многіи инныи книги, ибо пережила она даже печатню острожскую, кото-

---

N. [3]) Коссакъ 238.

„ [4]) Dobrowsky L, LI.

„ [5]) Врем. Ставр. 867. ст. 81. Stecki Wol. I. 180.

рой останки по смерти князя Константина передъ гоненіями латинянъ схоронилиси въ дерманскій монастырь, которому князь Константинъ передъ смертію своею много рукописей подарилъ.[6]).

Нетолько въ дѣлахъ военныхъ, церковныхъ и культурныхъ былъ князь Константинъ дѣлательнымъ, онъ и въ инныхъ дѣлахъ тѣшился значительнымъ влѣяніемъ. И такъ г. 1750 хочетъ Богданъ, воевода Молдавскій посватати одну изъ дочерей князя Константина, но понеже Константинъ съ дочерью на тое не соглашался, то Богданъ выслалъ посла къ королю Сигисмунду Августу, просячи его о посредничество и умоляючи, чтобъ прійнялъ его за сына и назначилъ ему жену, если уже князь Константинъ свою дочеръ за него выдати не хочетъ. Король посылалъ до Константина за его дочерью для господара, но безуспѣшно.[1]) Въ г. 1574, когда новый король Генрикъ Валезій въѣжжалъ въ Краковъ, князь Константинъ выступилъ съ своими дворянами и боярами блестательно, при чѣмъ одинъ изъ сыновъ его былъ убранъ въ костюмѣ козацкомъ, а другій въ италіанскомъ. Всѣхъ очи были звернени на перваго вельможу и его сыновъ, вѣроятно и неоднымъ побожнымъ или лучше сказати алчнымъ душечкамъ глубоко въ сердци впечатлѣлися засобы русскихъ князей, и може уже тогда

„ [6]) Bclinski Star. p. 844. Stecki Wol. I. 181. О Фіолѣ особое соч. Як. Головацкого въ изд. Акад. наукъ въ Вѣнѣ.

N. 1. Moraczewski, Starož. d. I. 446.

повзята неоднымъ гадка о будущихъ происках о-вечо-волчихъ на Руси.[2])

Въ время люблинской уніи Литвы съ Польщею вельможи литовско-русскіи нехотѣли къ ней приступити, тогда удался самъ король Сигисмундъ Августъ лично къ князямъ Константину Острожскому и Александру Чорторыйскому и своими представленіями вымогъ онъ на нихъ, что приступили и подписали унію, уничтожающую въ дѣлѣ Великое княжество Литовское а оставляючи только названіе тогожъ. За тѣми найважнѣйшими послами литовско-русскими пойшли и другіи; остальныи зостали позбавлены своихъ достоинствъ и привязанныхъ до нихъ имѣній.[3]) Что Поляки и Римъ такъ усильно на всѣ уніи настаивали что даже королѣ лично на переведеніе ихъ вліяли; зъ другой стороны что Русины такъ отъ нихъ вымавлялись, въ Люблинѣ даже на колѣнахъ передъ королемъ отъ ней выпрашались, а въ Брестью въ 10,000 вооруженныхъ противъ новаго соединенія выступили, такъ, что только вліяніе князя Константина Острожскаго едва ихъ отъ кровопролитія повздержати успѣло: тому никто не будетъ дивоватися, скоро подумаетъ, что тою централизаціею врата неизмѣримой, хотя попираемой, но богатой Руси широко растваралась для голодныхъ или хищныхъ западниковъ съ голыми карманами, но съ надутыми головами. Загляньмо только въ картины исторіи, хо-

---

N. [2]) Gwagnin kr. Sarm. kron. 145.

„ [3]) Дѣдицкій Ист. Руси II. 35.

тябы лише польской. И такъ оденъ историкъ восклицаетъ: Якимъ-же то великолѣпнымъ городомъ былъ Кіевъ о золотыхъ брамахъ, о 400 церквахъ, 8 торговицахъ, которого сокровищами Болеславъ Храбрый озолотилъ цѣлую Польшу!... Сколькожъ золота, серебра, драгоцѣнностей зложилъ Галичъ Лешкови Бѣлому!... Шолки были въ Кіевѣ частѣйшими, нкъ ленъ въ Вильнѣ... Подолье было краемъ благословенія, землею обѣтованною... истинною краиною солнца... Тамъ въ травахъ не узришъ роговъ вола... гдѣ ступишъ ногою, всюда бютъ источники меду подъ стопами.... заткненый въ землю патикъ, оставленый въ поли плугъ покрываются въ 3 или 4 дняхъ высокимъ поростомъ травы... зъ одного корца получишъ тамъ 30 корцей. Безъ гноенія случаются 2 жнива зъ однаго засѣву."[1])

Другій авторъ пишетъ, что во время междоусобицъ сыновъ Владиміра В., Святополка съ Ярославомъ, Болеславъ Храбый т. 1018 по побѣдѣ надъ Бугомъ зайнялъ Кіевъ, въ богатствахъ плывающій, и забралъ сокровища велико-княжескія: часть ихъ выслалъ въ Польщу и все цѣлое войско изобильно ними обдарилъ, часть другую послалъ въ даръ тогдашному цѣсареви нѣмецко-римскому Генрику II.[2]) Инный писатель кажетъ, что Кіевъ превышалъ пространствомъ, великолѣпіемъ и богатствомъ о много всѣ инныи городы на всей простран земель славян-

---

N. [1]) Szajnocha Jadwiga i Jagiello. Lwów 1861, Som. III. 262, 263, 286, 287.

„ [2]) Mosbach Bolest. Chrobry. Pozn. 1871 p. 12.

скихъ... торговлею съ востокомъ онъ возрослъ въ неизмѣримую зажиточность, такъ, что его вторымъ Цареградомъ называно.[3]) Еще инный говоритъ: „Казимиръ В. 1340 занимаетъ Львовъ и неизмѣримыи сокровища князей русскихъ, отъ давна тамъ накопленыи, осягаетъ.“[4]) Мы прибавляемъ, что кромѣ золотокованныхъ престоловъ, вѣнцевъ и инныхъ въ одномъ только крестѣ золотомъ изъ сей добичи мѣстилось около 200 діямантовъ, жемчугъ и различныхъ каменей драгоцѣнныхъ. До того дописуемъ что Перемышль за выпущеніе князя Володара, коварно зъ подъ Перемышля въ Краковъ увезеного, долженъ былъ неменше якъ 20 возовъ золота, сребра и инныхъ драгоцѣнностей Болеславу III. на Вавель отставити.[1])

И недармо сопротивлялась Русь всякимъ уніямъ. Унія бо Городельска зъ 1413 исключила православныхъ Русиновъ изъ совѣта королевскаго и отъ высокихъ достоинствъ, что даже до сойма виленскаго зъ 1563 продолжалось, такъ, что первѣйшій богатыръ своего времени, князь Константинъ I. Ивановичъ Острожскій г. 1522 только за особеннымъ привилеемъ могъ получити воеводство троцкое.[2]) Не большая то-

---

N. [3]) Zawadzki Grody polskie. Lwów 1866 p. 278.

„ [4]) Wandalin Mniszech Rys dziejów Kaz. W. Krak. 1863 p. 17.

„ [1]) Szujski Dz. Polski I. 100: Piotr Włast... Wołodara wywabił na polowanie; Polacy wypadli z zasadzki i złapali księcia... Wołodara za ogromnem okupem, który całą jego ziemię zubożył, odzyskał wolność.

N. [2]) Szaraniewicz Beneficya. p. 19.

леранція для Русиновъ водворилась и въ слѣдствіе уніи люблинской зъ 1569, ибо въ томъ году было въ сенатѣ на 130 членовъ: 70 католическихъ, 58 еретическихъ а только 2 шизматиковъ.[3]) Самое введеніе второго статута литовскаго въ Кіевѣ и на Украинѣ Сигисмундомъ Августомъ на прошеніе князей Константина Острожскаго и Александра Чорторыйскаго немного имѣло вліянія на бытъ народа русскаго, ибо той статутъ увзгляднялъ преимущественно вельможей. Тѣмъ изясняется, чему князь Константинъ II. Острожскій стался такимъ противникомъ уніи берестейской: ибо кажда уніа оберала Русиновъ зъ ихъ имѣній и зъ политическихъ и церковныхъ правъ и творила изъ населенія найплодоносньйшихъ земель людей чѣмъ разъ нужденньйшихъ; противно черезъ уніи ставалися западніи сосѣды, сидящіи на земляхъ гористыхъ, пѣсчистыхъ и багнистыхъ, самыми богатыми до избытка. Такій то смыслъ имѣетъ и послѣдняя уніи восточной Галиціи съ западнею, такъ, что львовскій конецъ уніи не памятникомъ братняго соединенія, но помянникомъ братоубійственной хищности назвати подобаетъ.

Тожъ и по берестской уніи дѣла такъ погоршились, что самъ богоговѣйный и миролюбивый князь Константинъ Острожскій уже въ три лѣтъ познѣйше т. е. 1599 принужденъ былъ, для взаимной помощи и защиты противъ уніятамъ и латинянамъ, войти въ союзъ, заключеный въ Вильнѣ между православными

N. 3] Sckriptores rer. polonic. Krak. I. 154.

и диссидентами, до которого приступило 168 самыхъ можныхъ и богатыхъ дворянъ и 12 сенаторовъ, между тѣми нѣсколько твердыхъ православныхъ.[1]) Усилія однакъ того союза неимѣли за житья князя Константина быти увѣнчаными и нужно было даже военъ козацкихъ, шведскихъ, прусскихъ, россійскихъ а въ концѣ еще и перемѣни престола, занѣмъ православныи Русины успѣли выхлопотати отъ Владислава IV. возвращеніе нѣкоторыхъ правъ. Вообще можно сказати, что князь Константинъ II. Острожскій неимѣлъ счастя въ своихъ предпринятіяхъ и гадкахъ политическихъ.

Относительно построекъ гражданскихъ князя Константина II., то приводятъ писатели, что онъ Острогъ въ людехъ и зданіяхъ сдѣлалъ знаменитшимъ.[2]) Князь Константинъ II. Василій создалъ г. 1570 подобно якъ его отецъ, новый городъ Василію, познѣйше Базаліею званый, лежащій на Волыни, недалеко Збаража.[3]) Происходитъ-ли отъ него одинъ изъ городовъ русскихъ, названыхъ Константиновыми, неимѣемъ на тое днесь доказательствъ. Такъ само не можемъ днесь положительно сказати, чи замокъ Звенигородъ, при устьѣ Звинячки до Днѣстра, былъ въ владѣніяхъ его или отца. Извѣстіе о томъ Сарницкаго, поданое Балинскимъ, есть неточное[4]), а то тѣмъ больше, понеже послѣдній авторъ тотъ Звени-

---

[1]) Коссакъ Поглядъ на монаст. стр. 238.
[2]) Niesiecki VII. Balinski Staroz. Polska 84 .
[3]) Baliński 919.
[4]) Baliński .

городъ смѣшиваетъ съ онымъ подъ Львовомъ и съ Званигородомъ или Званомъ, при устьѣ Звана потока въ Днѣстеръ, между Каменцемъ Подольскимъ и Могилевомъ при Днѣстрѣ.[1]) Вѣроятно той послѣдній Зенигородъ надъ Званомъ при Днѣстрѣ былъ однимъ изъ замковъ князей Коріятовичей, а отъ тѣхъ перейшолъ чрезъ руки Мельштинскихъ а може и Тарновскаго, вел. гетмана, въ руки его зятя. Что князь Константинъ старался и Кіевскій замокъ обновити, о томъ пишетъ оденъ изъ современниковъ, хотяй вѣроятно несправедливо.[2])

Въ послѣдномъ отже отношеніи, якъ въ дѣлахъ и успѣхахъ военныхъ князь Константинъ недостигнулъ своего отца; но въ хозяйственномъ отношеніи и въ дѣлахъ церкви и просвѣщенія онъ превзойшелъ его значительно; ибо посѣдалъ селъ и мѣстъ тысячи, дохода рочнаго числилъ на 1,200.000, что ровняется 10 міліонамъ познѣйшихъ золотыхъ польскихъ.[3]) Относительно же дѣлъ церковныхъ, то, правда, источники все не выказуютъ о немъ; однакъ безсомнѣнно возникающіи въ концѣ 16. и въ началѣ 17. столѣтія премногіи церкви и монастыри, а въ нихъ и численныя печатни, якъ въ Уневѣ, Стратинѣ, Угорникахъ и прч. одолжаются ему если не ктиторствомъ, то починомъ, заохоченіемъ; ибо цѣлая тогдашня Русь

---

[1]) Dodatek do Gaz. Lwow. 1872 III. 153.

[2]) Orzelski Dz. Polsk. III. 82.

[3]) Niesiecki herb. VII. 173 s.

южная смотрѣла на князя Константина яко на свою главу и своего верховодителя.[1])

Въ частной жизни своей князь Константинъ отличался глубокимъ благоговѣніемъ. Въ церквахъ имѣній, гдѣ частѣйше перебывалъ, построилъ онъ себѣ изъ дерева и бляхи озолоченой кромѣшныи лавки, 4 локти высокіи изъ 3 сторонъ замкненыи, чтобъ никого невидѣлъ, кромѣ жертвенника и іерея, и чтобъ ему никто не перерывалъ въ молитвахъ. Въ время пятдесятницы замикался онъ въ монастырѣ дубненскомъ. тамъ облекался въ простыи одежды. отмавлялъ молитвы, совершалъ посты, сповѣдался и причащался. Такъ велся онъ въ отношеніи къ церкви, подаючи всѣмъ примѣръ послѣдованія достойный. Въ дома жилъ вправдѣ скромно относительно своего лица, но на внѣ выступалъ блистательно. Дворъ его состоялъ изъ 2.000 дворянъ, бояръ и службы. Маршалкови двора своего платилъ рочно 70.000 золотыхъ. И могъ такъ платити своимъ чиновникамъ домовымъ имѣючи 1,200.000 тогдашныхъ, или 10 міліоновъ познѣйшихъ золотыхъ польскихъ рочного дохода. Такъ жилъ онъ отже по царски, но притомъ былъ для убогихъ и войновъ щедрымъ; просящимъ роздавалъ пищу, одежды и прочіи потребности изобильно.[2]) Для страждущихъ учредилъ онъ въ Острозѣ больницу съ ежегоднымъ доходомъ 4.000 золотыхъ, забезпеченыхъ на своемъ имѣніи въ городѣ Суражи, на Волыни

---

[1]) Stebelski III. 75.

[2]) Niesiecki herb. VII.

между Кременцемъ и Острогомъ.[1]) Братству же городской церкви Рождества Христова въ Тарнополи даровалъ онъ на больницу значительныи лапы около 100 морговъ выносящыи и кромѣ того еще 10 золотыхъ, ежегодно изъ аренды тарнопольской пэбираемыхъ, при чѣмъ установляетъ родъ куратоpiи изъ 10 членовъ найстарших тогожъ братства и повѣряетъ имъ двукратно, такъ за своего владѣнія Тарнополемъ, якъ и за управленія сына своего Януша, изданными грамотами управленіе больницы, школы и церкви такъ рождественской, якъ и другой Честнаго Креста.[2]) Дарованыи земли существуютъ и нынѣ при больницѣ приходской.

Такъ отже дѣйствуючи на всѣ стороны благотворительно а именно въ области церкви и просвѣщенія народнаго, дождался князь Константинъ II. Василій Константиновичъ Өстрожскій глубокой старости и скончался 1608 г. Онъ взялъ съ собою общій жаль и общое благословеніе своего народа до гроба, оставивши по себѣ милое воспоминаніе и подаючи всѣмъ такъ можнымъ якъ и нищимъ примѣръ послѣдованія достойный, всказующій намъ, якъ кождый кромѣ мольбъ неустанне работати и свое имѣніе чѣмъ разъ больше въ честный способъ умножати, а накопленыи сокровища переважно въ пользу церквей, школъ, больницъ, словестности отечественной и прочіихъ благотворительныхъ учргжденій обращати долженъ. Польскій историкъ Оржельскій упре-

[1]) Stecki Wołyń II. 76.
[2]) Dodatek mies. d. Gaz. Lwow. 1872 Tom III. 239.

кает князя Константина, что не думалъ о обновленіи замка кіевскаго а требойалъ отъ сойма державнаго г. 1576 помощи къ сему дѣлу.[1]) Намъ кажется той упрекъ несправедливымъ, ибо когда домагался пособій, то видно, что думалъ о томъ обновленію а что кромѣ доходовъ воеводства желалъ еще и пособія державы къ сему дѣлу, тое не должно удивляти, ибо ни одная инная крѣпость въ государствѣ не имѣла таковаго значенія, якъ Кіевъ, выставленъ на напады постоянныи Татаръ, тоже на опасность изъ стороны Москвы а въ познѣйшихъ лѣтахъ даже и козаковъ. Мы сдѣлалибъ только той упрекъ князю Константину, что яко добродушный Русинъ непредохранилъ своихъ старшихъ сыновъ въ отношеніи къ церкви и народу, повѣряючи ихъ воспитаніе чужестраннымъ людемъ, чигающимъ на русскіи души, а откровенно сказавши на русскіи имѣнія; такожде допускаючи влѣяніе частаго гостя езуиты Скарги, въ своей церкви западной знаменитаго.[2]) Послѣдствія сего были, что скоро по смерти отца его сынъ Янушъ и внуки отчуждавшися своей церкви, отреклись и своего языка и народа и употребили всѣ свои огромныи средства на цѣли, русскому народу враждебныи.

Съ смертіею князя Константина теряетъ исторія князей Острожскихъ свою занимательность для русскаго народа, ибо потомки его ставались чѣмъ разъ больше апостолами запада и перевели все громадное

---

[1]) Orzelski Dz. Polsk. III. 82.

[2]) Wielka prywata (Gaz. Lwowska 1879.)

имѣніе въ нѣдръ захланной Польщы, оставляя простонародіе съ духовенствомъ самымъ себѣ, переносячися на западъ. То были послѣдствія уніи, отъ которой преклоньше колѣна выпрашалась Литва и Русь, предчувствуя свою нужду. Тожъ уже г. 1576 жалуются послы литовско-русскіи чрезъ уста Ивана Глѣбовича, каштеляна минскаго, передъ сенатомъ и послами польскими, что Поляки насиліемъ вкладаютъ ярмо на Литвиновъ, что ихъ права найбезчестнѣйше ломлятъ, что имъ все зъ рукъ выдерли, что насиліе сдѣлано ихъ правамъ и заявляютъ, что уже цѣлкомъ (Литва) развязаны и освобождены отъ узла уніи съ Польшею.[1]) Наконецъ для зазначенія, якъ великое было вліяніе сего русского вельможи, (Конст. Остр.) наведемъ что въ дѣлахъ церковныхъ обращался къ нему патріархъ александрійскій Мелетій Пигасъ г. 1592, просячи его, щобъ недозволялъ ширитися всякой новой мысли, отъ такъ званыхъ папистовъ или отъ лютерановъ происходящой, въ его епархіяхъ, которыи моглибы уничтожити отеческой вѣры и преданія отъ Бога данную красоту. Но не только іерархи востока обращались къ нему. И нунцій всемогущихъ тогда паповъ римскихъ именемъ Spanocchi по смерти короля Стефана Баторія поставилъ его въ первомъ ряду

---

[1]) Orzelski Dz. Polski III. 238... Polacy sami wciągnęli Litwę do unii, sami ją zaprzysięgli, a teraz najhaniebniej łamią... Polacy wtłaczają jarzmo na Litwinów... Wydarliście nam z rąk wszystko, Polacy,... gwałt zadany prawom naszym... jużeśmy całkiem rozwiązani i wyzwoleni od węzła unii z Polską.“

[2]) Rozprawy Akad- um. Krak. VIII. 323·

на кандадата до короны польской, додаючи, що кн. Василій знаный яко мужъ умный, искренній, откровенный, щедрый и благосердный въ найвышой степени.

Князь Константинъ Ш. Константиновичъ.

Вѣроятно онъ былъ найстаршимъ изъ трехъ сыновъ Константина Василія. Той былъ слабосильный такъ плотію якъ и духомъ и скончался въ молодыхъ лѣтахъ около г. 1600, отже 8 лѣтъ передъ смертію отца. Тотъ князь, первый изъ Острожскихъ принялъ католицизмъ а то по причинѣ слѣдующихъ происшествій, послѣ Нѣсецкого приключившихся. Молодый князь имѣлъ вести на замку острожскомъ жизнь гуляшую. Собравши въокругъ себе подобныхъ молодцевъ, отдавался онъ по цѣлыхъ дняхъ и ночахъ піятикамъ до избытка и развращалъ накопленныи богатства. Такъ продолжалась такая жизнь долшое время въ Острозѣ, котораго муры пустѣли, орудія ржавѣли а давныи други уникали яко безбожнаго замчища. Одной ночи молодый князь якось началъ скучати въ своемъ кружку гуляющомъ, пойшолъ въ другую комнату и уснулъ. Въ томъ здается ему, что видитъ дѣда своего, стараго гетмана, котораго портретъ на стѣнѣ сей комнаты висѣлъ, нисходящаго изъ стѣны и приближающагося къ нему съ ужасно строгимъ взоромъ и провозглашающаго страшенно гнѣвнымъ голосомъ: „Негодяю, безчестишъ твое гнѣз-

до! Ты недостоинъ смотрѣти на мене!“ А когда молодый князь, тремтящій отъ страха, хотѣлъ нѣсколько словъ проговорити, скричалъ гетманъ: „Поправся, недостойный!“ и счезъ. Внукъ пробудился, всталъ зъ ложа и удался сновь до своихъ друзей гуляющихъ, которыи дивовались блѣдости его лица. Но когда имъ князь тое изъяснилъ, начали всѣ смѣятися и поругати его, такъ, что больше о томъ не згадовалъ, велѣлъ живопись дѣда помѣстити въ иной комнатѣ и продолжалъ дальше прежнюю жизнь гулящу. Такъ ишло чрезъ слѣдующихъ дванадцять лѣтъ. Въ томъ одной ночи темной и бурной снится сновь молодому князю, что дѣдъ его съ сивымъ волосьемъ, съ долгою и бѣлою бородою, одѣтый въ долгое бѣлое платье, злазитъ изъ стѣни и еще грознѣйшимъ взоромъ прошиваетъ его. Онъ зрывается зъ ложа, падаетъ на колѣна и ударяетъ головою о подлогу передъ дѣдомъ, хочетъ поднестись, не можетъ, только чуетъ громогласныи слова: „И также исправился ты, Негодяю! За три лѣтъ умрешъ!“ Видѣніе исчезло. Князь поднялся, сталася задумчивымъ, сторонилъ отъ своихъ прежнихъ товарищей, такъ, что тіи мало-по-малу перестали заѣздити въ Острогъ, видячи, что хозяинъ молчащій, сумный, рѣдко коли изъ своей комнаты до нихъ выходитъ. Молодый Константинъ чѣмъ разъ больше ставался слабосилнымъ но и чѣмъ разъ больше богоговѣйнымъ, раздавалъ милостиню; разсыпалъ благодѣянія въокругъ себе, сообщался часто съ священниками, вообще цѣлкомъ измѣнился, велъ даже и на Турковъ свои полки. Но кончина его прибли-

жалась. Въ саму суботу передъ цвѣтною недѣлею видитъ онъ въ ночи во снѣ по разъ третій своего дѣда, но тѣмъ разомъ уже не грозно на него споглядающаго, а противно мило усмѣхающагося и говорящаго солодкимъ голосомъ: „Сыну! Господь выслушалъ моихъ прошеній и простилъ тебѣ провины. Завтра въ полудне скончаешся!“ Призракъ исчезъ, князь попращался съ всѣми отъ мала до велика, распорядилъ благотворительно своимъ имѣніемъ и точно въ дванадцятъ часовъ ниспустилъ духа, пріявши св. тайны. Люди замковыи видѣли въ то время надъ замкомъ лицо стараго гетмана въ ясномъ свѣтлѣ уносящагося и звѣздами окруженнаго, который въ хвилѣ скончанія внука исчезъ. Такъ повѣствуетъ первый Нѣсецкій, за нимъ съ недовѣріемъ небольшимъ Стебельскій, пространно же обробила сей предметъ Г. Каминска, но съ большими промахами, ибо сказала, что князь Константинъ III. по предвременной смерти отца своего сталъ гулящую жизнь вести; когда исторія выказуютъ, что только Янушъ изъ 3 сыновъ Василія отца своего пережилъ и всѣ имѣнія Острожскіи въ своихъ рукахъ совокупилъ, чтобъ ихъ своему народу и своей церкви отчуждити.[1])

Мы привели здѣсь тую повѣсть, ибо она подала предметъ къ выдѣлцѣ сего изображенія на памятнику князя Януша въ катедральномъ костелѣ въ Тарновѣ, гдѣ на самомъ верху стоитъ старый гетманъ,

---

[1]) Niesiecki herb. VII. Stebelski III. 76. Kamińska legendy hist. Poznań. 1863. p. 245.

а передъ нимъ клячитъ молодый князь. Нашимъ мнѣніемъ есть, что наведенная повѣсть то плодъ якоись побожной душечки, хотѣвшой всѣмъ православнымъ богачикамъ представити наглядно, что переходъ въ латинство даже самъ первѣйшій изъ героевъ Острожскихъ одобряетъ, самъ изъ небесъ трикратно трудится въ Острогъ, воплощается на нѣкое время и является всѣмъ середъ бѣлого дня въ воздусѣ, чтобъ душу внука, раскаявшагося въ латинствѣ, препроводити къ престолу Всевышняго. Оный побожный (хищный) баснословъ, чтобъ богатыхъ вельможъ русскихъ туда повлечи за первыми сынами воеводы кіевскаго дѣлаетъ даже уступку православнымъ, именуючи князя-шизматика святымъ и вводящимъ русскихъ князей въ притворы небесъ, однакъ только слатинщеныхъ и изъ имѣній ограбленныхъ, разумѣется не на дорозѣ законной, а коварными штучками.

Князь Александръ Константиновичъ.

Въ нѣсколько лѣтъ по смерти князя Константина III. скончался и наймолодшій братъ его Александръ. Онъ былъ воеводою волынскимъ, старостою переяславскимъ, а познѣйше и каштеляномъ краковскимъ. Онъ былъ послѣднимъ изъ князей Острожскихъ, который до смерти держался православія. Можетъ быти, что братство Ставропигійское въ Львовѣ истинно влѣяло на его воспитаніе, якъ то о тое отецъ просилъ въ своемъ письмѣ, прежде наведен-

номъ, отдаючи его на воспитаніе, въ Ярославль галицкій г. 1592. Безсомнѣнно самъ отецъ наблюдалъ вже больше за воспитаніемъ третяго сына, потерявши уже двохъ прежде для прадѣдной церкви. Кажется, что супружества Острожскихъ съ невѣстами латинской церкви найбольшою были причиною отчужденія ихъ отъ народа своего. Въ томъ отношеніи князь Константинъ I. Ивановичъ долженъ имъ былъ служити примѣромъ. Но иначе сталось. Такъ якъ старшій братъ Янушъ нѣсколько кратъ вѣнчался съ невѣстами латинскаго исповѣданія, такъ и князь Александеръ заключилъ бракъ съ Анною, дочерью Яна Костки, воеводы сандомірскаго, за которою получилъ Ярославль, Канчугу и много инныхъ имѣній. Его всѣ 4 сыны скоро скончались. Найзнаменитшій былъ изъ нихъ Адамъ Константинъ, побившій Татаръ подъ Тарнополемъ. Онъ скончался г. 1618. Самже князь Александръ померъ г. 1603 въ Острозѣ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ передъ смертію отца своего. Тѣло его похоронено въ церкви Богоявленія на замку въ Острозѣ, но познѣйше вынесла его мощи дочерь его Анна Ходкевичева въ самъ день богослуженія пасхальнаго изъ церкви замковой въ костелъ латинскій въ Острозѣ, а отсюда въ Ярославль, гдѣ г. 1636 въ костелѣ іезуитскомъ св. Яна нею учрежденномъ зложила, причѣмъ мѣщане острожскіи даже мятежъ противъ ней подняли, чѣмъ однакъ православію еще больше повредили, ибо Анна, которая уже г. 1624 вмѣсто прежной академіи православной учредила кляшторъ и школу іезуитскую въ Острозѣ, воздвигла

съ латинянами гоненіе на Острожанъ, вслѣдствіе чего 40 священниковъ православныхъ изъ имѣній острожскихъ прогнано, а католицизмъ введено въ цѣлой окрестности Острога, бывшаго прежде забороломъ православія и очагомъ духа русскаго.

Самая Анна скончалась безпотомно на чужинѣ въ Рацатѣ г. 1654, ибо передъ мстивыми козаками Хмельницкаго оперлась ажъ глубоко въ древней Польшѣ. Старша ей сестра Софія выдалась за Станислава Любомірского, графа на Висничи подъ Бохнею (недалеко Кракова) и тамъ похоронена 1622 въ часовнѣ замковой а познѣйше 1636 г. перенесена въ кляшторъ Кармелитовъ тамже, созданный ея мужемъ.[1]) Середня дочерь князя Александра именемъ Екатерина выдалась за Ѳому Замойскаго, воеводу кіевскаго и подарили вразъ съ мужемъ своимъ 100.000 золотыхъ іезуитамъ въ Шаргородѣ за Каменцемъ Подольскимъ, чтобъ навертали православныхъ на Украинѣ и Подолю. Она померла г. 1638 и похоронена въ Замостю. Изъ дочерей князя Константина II. Константиновича Елисавета выдалась за Януша Кишку, крайчого литовскаго, а Екатерина за гетмана литовскаго Радивила, а когда первый и вторая померли, то и Елисавета выдалась за шурина своего Радивила. Такимъ образомъ остался изъ дѣтей Константина Василія еще

---

[1]) Stebelski III. 86. Stecki Wołyń. I. 143.

Князь Янушъ Константиновичъ.

Якъ его имя всказуетъ, онъ уже станулъ въ таборѣ латино-польскомъ и протое не хотѣлъ именоватись Иваномъ, хотяй того имени нѣтъ причины стыдатися, ибо носили оное мужи и святыи и въ мірскихъ дѣлахъ великіи, Онъ подобно якъ попередники его отличался мужествомъ. Уже яко 18 лѣтный юноша отогналъ онъ г. 1577 Татаръ зъ нодъ Дубна, гдѣ ему отецъ повѣрилъ предводительство войска. Тіи переправлялись отъ монастыря честнаго креста черезъ ставъ и уже вдерлись были въ нѣкую часть города. Онъ побилъ ихъ едѣсь совершенно, при чѣмъ погибъ одинъ изъ мурзовъ (князей) татарскихъ, которого уносячи съ собою погребали подъ городомъ Краснловомъ надъ южною Случію, на востокъ отъ Збаража и Подволочискъ, гдѣ доселѣ значительная могила гробъ его скрываетъ. Въ слѣдствіе того освободилъ онъ сестру свою Екатерину съ премногими дворянскими дѣвицами и женами отъ неминуемаго плѣна. Всѣ благословили юнаго богатыря за той блистательный подвигъ. Немножко передъ тѣмъ освободилъ онъ свою стрыечну сестру Гальку Иліину изъ Шамотулъ, якъ о томъ выше сказано было и препроводилъ ю черезъ цѣлую почти Польщу въ Дубно. Кромѣ сего участвовалъ онъ съ отцемъ своимъ въ выправѣ на Черниговъ и Сѣверщину. Въ битвѣ подъ Пяткою былъ такожде при отцѣ своемъ. Съ Татарами боролся онъ не только подъ Дубномъ, но такожде подъ Острогомъ, подъ Реткою, надъ Рѣчкою Собочь и на многихъ

инныхъ мѣстахъ.[1]) Когда Сигисмундъ III. намѣрилъ свѣнчатися не по его воззрѣніямъ, писалъ Янушъ къ гетману Замойскому: Я всю шляхту всажу на конѣ и не допущу того. Во время мятежа Зебридовскаго Янушъ станулъ съ 10.000 воиновъ въ готовности, но въ концѣ оттягнулся, нехотячи кровопролитія.[2]) Такъ видимъ, что въ бранехъ послѣдовалъ князь Янушъ своимъ славнымъ предкамъ. И въ постройкахъ военныхъ нелишался онъ о много въ задѣ за ними; такъ бо повѣствуетъ Нѣсецкій, что князь сей Дубно, вѣроятно въ послѣднихъ нападахъ много потерпѣвшое, сильно укрѣпилъ.[3]) Инный историкъ пишетъ, что онъ Тарновъ и Львовъ укрѣпилъ и пріукрасилъ.[4])

Князь Янушъ образовался за границею, въ Нѣмеччинѣ и зъ Италіи, пребывалъ нѣкое время такожде и въ нынѣшной Белгіи. Сопутникомъ и воспитателемъ такъ Януша якъ и братей его былъ польскій писатель Старовольскій. И здѣсь кажется первая причина отчужденія двохъ старшихъ братей отъ народа и церкви. Кромѣ сего пребывалъ Янушъ долшое время и то двукратно на дворѣ цѣсаря римскаго и короля нѣмецкого Максимиліяна II., учредителя военнаго Пограничія противъ Турціи, существовавшаго до днесь. Въ Вѣнѣ онъ заправлялся къ дѣламъ богатырскимъ, но здѣсь и позыскано его для латинской церкви, такъ, что по возвратѣ его въ отечество всѣ усилія отца,

---

[1]) Gwagnin kron. Sarm. 318. Paprocki herb. 4475. seq. Bielski kron. 1406. Stebelski III. 82.

[2]) Schmitt Rokosz Zebrzyd. Lw. 1858. p. 68.

[3]) Niesiecki VII.

[4]) Orzelski Dz. P. III. 82.

привернути назадъ къ отеческой вѣрѣ потеряную овцу, остались безуспѣшными. Такъ Польща получила въ немъ рыцаря, но Русь потеряла первѣйшаго вельможу съ неимовѣрнымъ богатствомъ и славнѣйшимъ именемъ.

Въ жизни домовой князь Янушъ не имѣлъ щастя. Насамперед свѣнчался онъ съ Сузанною Середовною, внукою воеводы Семиградскаго, которая умераючи лишила ему двѣ дочери Елеонору и Евфрозину. Послѣдняя выдалась за воеводу кіевскаго Александра I., князя Заславскаго, и соединила сновь домъ князей Острожскихъ съ Заславскими. Похоронивши Янушъ свою первую жену въ Тарновѣ, гдѣ обикновенно проживалъ по оставленіи родиннаго Острога и Дубна, связался Янушъ вторично съ Екатериною, дочерію Севастіана Любомирскаго, графа на Висничѣ, съ которою свѣнчался въ Сончи г. 1597, а по смерти ей свѣнчался по разъ третій съ Θеофилею, дочерію Тарла, каштеляна сандецкаго. Недождавшись сына (ибо Янушъ Владиміръ померъ въ дѣтинныхъ лѣтахъ) и предчувствуючи свою кончину началъ онъ учреждати кляшторы латинскіи въ Константиновѣ, Межерѣчіи Острожскомъ и въ инныхъ городахъ.

Изъ имѣній же своихъ учредилъ онъ ординацію острожскую г. 1609, утвержденную соймами державнымн въ году 1618 и 1619. Послѣ рѣшенія тѣхъ то соймовъ должны имѣнія осторжскіи въ случаѣ неоставленія сыновъ, братей и братанковъ перейти на князей Заславскихъ, давнѣйше съ Острожскими одинъ домъ составлявшихъ и въ послѣднае врема черезъ дочь Яруша Евфрозину соединенныхъ.

Если и тіи вымрутъ, то имѣнія реченныи переходятъ въ руки кавалера ордена Малтанскаго, который долженъ замки Острогъ, Дубно и прочіи въ оборонительномъ состояніи удерживати, тоже 600 вооруженныхъ воиновъ на всякіи нужды Польщи въ готовности содержати. Для его громадныхъ имѣній или въ видахъ дальше на востокъ сягающихъ поставилъ выше реченый папскіи нунціи Spanocchi такожъ и кн. Януша въ 2. рядѣ яко кандидата до короны по Стефанѣ Баторымъ.

И князѣ Заславскіи, сродныи Острожскимъ, отличались мужественностію. Они носятъ имя свое отъ города Заславля, 4 миль отъ Острога надъ тою же рѣкою Горинемъ лежащаго и передъ вѣками отъ князя Изяслава созданнаго. Отецъ гетмана Константина Острожскаго, Иванъ Василіевичъ, имѣлъ молодшаго брата Юрія, родоначальника князей Заславскихъ, который совокупно съ иными вельможами литовско-русскими отъ короля Казимира IV. Ягайловича дерзко требовалъ чтобъ, или въ Литвѣ пребывалъ, или князя Симеона Олелковича Слуцкаго на престолѣ литовскомъ посадилъ. Тое происходило на соймѣ виленскомъ г. 1461 и вправило короля въ немалое смятеніе; но позискавши князя Монтвида и нѣкоторыхъ иныхъ, Казиміръ успѣлъ тую бурю утихомирити.[1]) Изъ познѣйшихъ князей Заславскихъ отличились Иванъ II. и братъ его Кузьма въ частѣйшихъ борбахъ съ Татарами, а именно г. 1534, когда

[1]) Bielski 770.

тіи напали на Заславль и даже передмѣстья позапаляли. Князь Кузьма оставилъ дочерь Анну, выдану за князя Ивана Федоровича Чорторыйскаго, и двохъ сыновъ, изъ которыхъ Михаила зовутъ писателѣ великимъ поборникомъ Татаръ, съ которыми сражаючися, чрезъ три лѣтъ (между 1575—1578) даже до дому не заглянулъ, но все въ таборахъ въ отвертомъ поли пребывалъ, уганяючися за поганцями.[1])

Князь Иванъ III. воевалъ съ козаками Наливайки, съ волошскимъ господаремъ Михаиломъ г. 1600, съ Татарами подъ Збаражемъ, съ Турками подъ Цецорою г. 1620. Онъ первый изъ князей Заславскихъ прійнялъ унію, обращенъ черезъ іезуита Каспра Нагаюса, а когда князь Константинъ Константиновичъ II. ревновалъ въ утверждѳніи православія, то князь Иванъ отъ г. 1596 только самыхъ уніатскихъ священниковъ припускалъ до приходствъ въ своихъ имѣніяхъ. Онъ былъ женатъ съ Маріею, дочерію князя Романа Сангушки, гетмана литовскаго. Его сынъ Юрій II. Ивановичъ славно боролся съ Татаръми и Туркамн, года 1634 Подолье опустошавшими, тоже и въ многихъ инныхъ случаяхъ. Братъ Юрія Александръ Ивановичъ, оженившись съ Евфрозиною, дочерію Януша Острожскаго, соединилъ обѣ вѣтви дома княжескаго и отъ теперь писался онъ и его наслѣдники князями Заславскими и Острожскими. Княгиня Евфрозина, померла г. 1628 въ Заславлю и тамже похоронена. Изъ сыновъ, пред-

[1]) Boxhornii Oratio. Ludg. Bat. 1642. Stobelski, III. 98.

временно померших, остался только Владиславъ Доминикъ. Онъ собственнымъ иждивеніемъ заспокоилъ войско, изъ войны прусской возвращающееся и грозящое мятежемъ по причинѣ незаплаченой ему належитости. По смерти короля Сигисмунда III. онъ значительную часть войска самъ удерживалъ. Онъ участвовалъ г. 1649 въ битвѣ подъ Зборовомъ противъ Хмельницкаго, а передъ тѣмъ въ борбахъ подъ Константиновомъ, Корсунемъ и Пилавцами. Былъ такожде и въ битвѣ подъ Берестечкомъ по сторонѣ короля. Наконецъ заосмотрилъ онъ Перемышль въ людей и запасы военныи и такимъ образомъ охоронилъ той важный городъ отъ здачи Шведамъ.[1])

Онъ померъ г. 1656 въ Старомселѣ, подъ Львовомъ, гдѣ замокъ его пространный, нынѣ имѣніе графа Альфреда Потоцкаго, при станціи желѣзной дороги ясской доселѣ стоитъ. Онъ похороненъ въ Тарновѣ въ костелѣ Мансіонаровъ, который онъ значительно збогатилъ, а котораго учрежденіе Стецкій ему приписуетъ.[2]) Вторая жена его Екатерина была сестрою короля Яна III. Собѣскаго. Сынъ его Александръ,[1] послѣдній изъ князей Заславскихъ, померъ въ молодыхъ лѣтахъ г. 1673 безпотомно. Осталась дочерь Ѳеофила, обвѣнчана съ кн. Димитріемъ Вишневецкимъ а вторично съ Іосифомъ Любомирскимъ, маршалкомъ коронным, которому внесла цѣлую ординацію острожскую и всѣ имѣнія заславльскіи. Той

---

[1]) Stecki Wołyn. I. 314. — Stebelski III. 104.
[2]) Stecki Wołyń I. 315. — Stebelski III. 105.

умираючи г. 1703 оставилъ только 2 дочери, зъ которыхъ старша умерла безпотомно, а молодша Марія внесла мужеви своему, Павлу Карлу Сангушцѣ, всѣ огромныи имѣнія, которыи тойже, хотя самъ происходяще отъ древнихъ князей православныхъ, въ значной части на постройку или обновленіе костеловъ латинскихъ употреблялъ. Такимъ образомъ по князяхъ Острожскихъ и Заславскихъ перейшло въ инныи руки латинизующіи и вынародовляющіи: 2.840 селъ, мѣсточокъ и городовъ, кромѣ того начислено готовкою 700.000 червоныхъ золотыхъ, 900.000 таляровъ, 30 бочокъ ломаного серебра и 92 миліоновъ розличной монеты, до чего нужно еще дочислити 600.000 въ столовомъ серебрѣ и въ драгоцѣнностехъ, надъ 5.000 коней, 550 верблюдовъ; слугъ, бояровъ дворянъ, селянъ, татаровъ и всякаго рода збожа и снарядовъ безъ числа и мѣры.[1]) Имѣнія тіи дѣлились на потомственныи, которыи перейшли на Вишневецкихъ, Сангушковъ, Любомирскихъ, Яблоновскихъ, о часть же ординацку спорился орденъ малтанскій съ посѣдателями, такъ, что имѣнія тіи сталисъ поводомъ до споровъ, ненавистей и несправедливости[2]) а въ концѣ

---

[1]) Stebelski III. 107. — Tatomir Dz. P. w zar. 1879.

[2]) Potocki hr. Ign. Hist. kr. elekc. w Album Wróblew. III. 102: „Do kłótni, do ducha pieniactwa nie pomału przyczynił się podział ordynacyi Ostrogskich.“

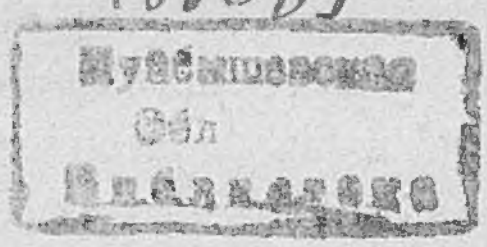
Stebelski III. 115. — Szujski Dz. Pol. IV. 270: „Jakby na zapowiedź tych czasów znikczemnienia, upadku politycznego i prywatnego nawet i sprawiedliwości, zjawia się nam w r. 1721 sprawa ordynacyi ostrogskiej.“

зостали роздрапаны.[1]) Такъ отже по древнему ладу имѣнія найбогатшой родины въ Европѣ осталибся при Русинахъ и обрусѣлыхъ Литвинахъ, польскіи уніи перевели ихъ въ руки противниковъ.

Sic transit gloria mundi!

Ѳеодоръ Ив. Бѣлоусъ.

488089



[1]) Szujski Dz. P. IV. 340 ....sprawa r o z d r a p a n i a ordynacyi ostrogskiej....

Найновѣйшіи сочиненія

изданіи

печатнею Михаила Бѣлоуса

въ Коломыи.

Афоризмы Ивана А. Федоровича . 1 зр. —

Блискавка громова пôдъ часъ бурѣ выборовой Исидора Пасѣчинского 10 кр.

Гадки Владислава Федоровича . . . 50 „

Капраль Тимко, або що насъ губитъ, народна мельодр. И. Мыдловского, 15 „

100 Загадокъ за 1 кр. . . . . . 1 „

(тіи высылаются тôлько партіями по 25 екс. пôдъ опаскою почтовою). 25 „

Родъ князей Острожскихъ . . . 20 „

„ „ „ Ч. II. . 20 „

Новіи пѣсни для старыхъ и молодыхъ написавъ Дм. Третякъ . . . . 10 „

Проповѣди церковнî т. II. нед. . 1 зр —

Гарная Момица, Марѳа краснолица, повѣсть болгарска (съ древор) . . 30 „

Нѣсколько русскихъ и ромунскихъ грамотъ древн. господарей молд. 50 „